Лилит Бехерит

16+

На частоте сердца

*«Мы помогали незнакомцам признаваться в любви.
Жаль, что для собственного признания
нам понадобился целый год.»*

Лилит Бехерит
На частоте сердца

https://litres.ru/74682119
SelfPub; 2026

Аннотация

«Мы помогали незнакомцам признаваться в любви. Жаль, что для собственного признания нам понадобился целый год».Хлоя Беннет умеет находить правильные слова для чужих проблем. В своём школьном блоге она спасает дружбы, помогает признаваться в любви и объясняет, как пережить расставание. Вот только собственные чувства Хлоя предпочитает превращать в шутки.Ной Харпер не понимает, зачем людям столько слов. Он отвечает за звук школьной радиостанции, играет на гитаре и считает, что самые важные вещи обычно остаются невысказанными.Когда школу решают лишить радиостанции, у Хлои и Ноя остаётся последний шанс её спасти: запустить вечернее шоу с анонимными письмами слушателей. Каждый выпуск — чужая история любви, дружбы или разбитых надежд. Ученики присылают то, о чём никто не решался сказать вслух. Хлоя учится слушать, а Ной впервые начинает говорить.

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Хлоя. Правило тишины 9
Глава 2. Ной. Яблоко 21
Глава 3. Хлоя. Первое письмо 36
Глава 4. Ной. Первый эфир 52
Глава 5. Хлоя. Я не хочу быть причиной 66
Глава 6. Ной. Письмо, которого не было 81
Глава 7. Хлоя. Не читай целиком 94
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Лилит Бехерит
На частоте сердца

На частоте сердца

LB

«Мы помогали незнакомцам признаваться в любви. Жаль, что для собственного признания нам понадобился целый год».Хлоя Беннет умеет находить правильные слова для чужих проблем. В своём школьном блоге она спасает дружбы, помогает признаваться в любви и объясняет, как пережить расставание. Вот только собственные чувства Хлоя предпочитает превращать в шутки.Ной Харпер не понимает, зачем людям столько слов. Он отвечает за звук школьной радиостанции, играет на гитаре и считает, что самые важные вещи обычно остаются невысказанными.Когда школу решают лишить радиостанции, у Хлои и Ноя остаётся последний шанс её спасти: запустить вечернее шоу с анонимными письмами слушателей. Каждый выпуск — чужая история любви, дружбы или разбитых надежд. Ученики присылают то, о чём никто не решался сказать вслух. Хлоя учится слушать, а Ной впервые начинает говорить.Но однажды в ящике оказывается письмо: «Как признаться человеку, которого любишь, если однажды ты уже признался — и он сделал вид, что ничего не произошло?»Ной знает, кто его написал. А Хлоя даже не подо-

зревает, что вопрос адресован ей.До выпускного остаётся несколько недель. Несколько недель, чтобы научиться говорить честно, прежде чем дороги разойдутся. И ответить на самый сложный вопрос не в эфире, а друг другу.

Пролог

Голосовая заметка №41

* * *

Запись начинается с шороха. Кто-то натягивает одеяло на голову, чтобы звук не вышел за пределы кровати.

— Раз, два. Проверка связи.

Шёпот. Совсем тихий, но с той особой чёткостью, с какой говорят люди, привыкшие, что их никто не слышит.

— Добрый вечер. Или доброе утро. Сейчас четырнадцать минут третьего, так что, строго говоря, вы слушаете меня на свой страх и риск. С вами я, как всегда, и как всегда, у меня нет ни слушателей, ни лицензии на вещание, зато есть кот. Кот, поздоровайся.

Пауза. Что-то мягко стукает, будто на кровать тяжело приземляется живое существо.

— Она сказала, что всё обсуждаемо.

Тихий смех. Потом шорох, и голос становится ровнее. Шутливая интонация не уходит совсем, но отступает на шаг, как человек, который впервые за вечер сел.

— Сегодня в эфире тема, которую я обычно пропускаю. Мы поговорим о том, что бывает, когда человек хорошо умеет подбирать слова для других, а для себя у него в запасе одна шутка. Одна на все случаи. Как универсальная отвёртка. Подходит к любому винтику, и ни один не закручивает по-

настоящему.

Молчание. Две секунды. Три.

— Нельзя оставлять в эфире тишину, — говорит голос сам себе, совсем тихо.

Ещё один шорох. Слышно, как она переворачивается на бок.

— Ладно. Я скажу, чем это закончится. Через пару лет я буду сидеть в настоящей студии, с настоящим стеклом и нормальным микрофоном, и у меня будет голос, который нравится людям. И я не буду бояться. Вот прямо совсем. Не будет у меня этого дурацкого ощущения, что стоит открыть рот, и всё, что есть во мне настоящего, вывалится на пол, как содержимое сумки.

Пауза.

— Это не тема передачи. Это, скорее, жалоба в свободной форме.

Она смеётся, но смех выходит коротким и неудачным, и запись на секунду замирает, будто тоже не знает, что с ним делать.

— Мама вчера снова спрашивала про юридический. Говорит, там отличная программа и «хорошая репутация». Я кивала. Я так хорошо кивала, что она, по-моему, поверила. Это, наверное, мой главный талант. Не радио. Кивать.

Голос становится ещё тише.

— А ещё я кое-что не сделала. Мне пришло сообщение. Давно. Почти год назад. Там было всего несколько строк, и я

сказала себе: потом прочитаю. И не прочитала. То есть, прочитала один раз, быстро, как читают объявление о распродаже, а потом... Я не открываю его. Оно там просто лежит. Как будто если я не посмотрю на него, оно перестанет быть правдой.

Долгая пауза. Слышно только дыхание и далёкий шум машины за окном.

— Это очень странная привычка, — говорит она наконец, и в голосе нет ни одной шутки. — Хранить то, что боишься перечитать.

Ещё секунда.

— На этом всё. С вами была я. Спокойной ночи, несуществующие слушатели. Или, если вам нравится так больше, доброго утра.

Щелчок.

Запись заканчивается.

Файл сохранён в папке, названия у которой нет. Сорок первый по счёту. Он ничем не отличается от сорока предыдущих: те же шорохи, те же шутки, та же внезапная серьёзность в середине.

Никто никогда не слышал ни одного из них.

Пока.

Глава 1. Хлоя. Правило тишины

Первое правило радио: никогда не оставляй в эфире мёртвую тишину.

Это я прочитала в какой-то статье, когда мне было четырнадцать, и с тех пор повторяю про себя как молитву. Тишина — это смерть, говорилось в статье. Пять секунд молчания, и слушатель уже тянется к кнопке переключения.

Наверное, поэтому я и заполняю тишину всем, что попадётся под руку. Шутками. Историями. Ненужными подробностями о том, что вчера съела на обед моя кошка.

Во вторник, в двадцать минут девятого утра, в кабинете директора Маккензи тишина длилась ровно сорок секунд. Я считала.

— Закрыть? — повторила Зои. Она сидела рядом со мной на жёстком стуле для посетителей и смотрела на директора так, будто он только что сообщил, что отменяет весну. — В смысле, совсем закрыть?

Мистер Маккензи снял очки и потёр переносицу. Это был его фирменный жест перед плохими новостями. За три года я выучила их все, как выучивают расписание автобусов: очки, пауза, фраза «Девочки, давайте посмотрим на ситуацию реалистично».

— Девочки, — сказал он, — давайте посмотрим на ситуацию реалистично.

Зои издала звук, похожий на выпущенный воздух из шины.

— Школьная радиостанция существует двадцать три года, — продолжил директор. — За последние два года в ней работало шесть человек. Шесть. Оборудование требует замены, помещение нужно под новый класс робототехники, а совет попечителей считает, что...

— Что школьникам не нужен голос? — спросила я.

Получилось резче, чем я хотела. Зои покосилась на меня с уважением.

— Что ресурсы следует направить туда, где они дадут больший результат, — ровно ответил мистер Маккензи. — Решение будет принято в конце семестра на заседании совета. Я говорю вам заранее, потому что вы единственные, кто ещё хоть как-то занимается этим проектом. Мне казалось, вы заслуживаете честности.

Честность. Мне всегда казалось, что взрослые произносят это слово так, словно вручают тебе подарок, а на самом деле протягивают счёт.

— А если мы докажем, что радио нужно? — Я сама удивилась, что открыла рот. — Если у нас появятся слушатели? Настоящие, много?

Директор посмотрел на меня долгим взглядом, и я вдруг поняла, что он ждал этого вопроса. Возможно, поэтому и позвал нас, а не просто повесил объявление на дверь.

— Тогда на заседании совета у меня будет аргумент, —

сказал он. — Но мне нужны не обещания, мисс Беннет. Мне нужны цифры. Слушатели, отзывы, участие. До конца мая.

До конца мая оставалось девять недель.

— И ещё, — добавил он, снова надевая очки. — Сейчас у вас нет звукорежиссёра. Мистер Дэвис ушёл на пенсию, а на вашем месте любой другой ученик... Короче говоря, Харпер согласился помочь. Он знает аппаратуру лучше всех в школе. Но он, — директор помедлил, подбирая слово, — человек специфический.

Зои повернулась ко мне. Её брови поднялись так высоко, что почти скрылись под чёлкой.

Я не повернулась к ней. Я смотрела на корешки книг на директорской полке и внимательно читала названия, хотя не видела ни одного слова.

Харпер.

Ной Харпер.

— Конечно, — услышала я свой голос. Весёлый, лёгкий, абсолютно нормальный. Мой радиоголос. — Мы будем счастливы работать с Ноем.

Мы вышли в коридор, и Зои дождалась, пока за нами закроется дверь, прежде чем схватить меня за рукав.

— Харпер, — прошипела она. — Тот самый Харпер.

— Единственный Харпер в школе, который умеет паять.

— Хлоя.

— Зои.

— Ты же понимаешь, что ты сейчас собираешься делать?

Ты собираешься запереться в маленькой комнате без окон с человеком, которому...

— Которому я не сделала ничего плохого, — перебила я. — Это было год назад. Мы были другими людьми. Мы даже не обсуждали это.

Зои посмотрела на меня так, как смотрят на человека, который уверенно объясняет, что вот эта красная кнопка совершенно точно не взрывается.

— Вот именно, — сказала она. — Вы это никогда не обсуждали.

Звонок прозвенел раньше, чем я придумала ответ. Это было почти милосердно.

* * *

Радиорубка находилась в самом конце третьего этажа, за кабинетом музыки, там, где коридор упирался в пожарную лестницу. Дверь когда-то была выкрашена в синий цвет. Теперь краска облупилась, и казалось, что она линяет.

После уроков я стояла перед ней уже семь минут.

Не потому что боялась. Я просто проверяла содержимое сумки. Блокнот, три ручки, запасной блокнот, яблоко, которое я не собиралась есть, но брала для уверенности, потому что человек с яблоком выглядит как человек, у которого всё под контролем.

Зои обещала прийти позже. «Дам вам время притереться», — сказала она с тем выражением, которое делало её похожей на кошку, поставившую чашку на край стола.

Я набрала воздуха и толкнула дверь.

В рубке пахло пылью и горячим пластиком. Всю стену напротив занимал пульт: ряды ползунков, кнопок и крошечных лампочек, половина из которых давно не светилась. За стеклянной перегородкой виднелась студия, где стоял стол, два микрофона на гибких штативах и старый диван, который мы с Зои однажды торжественно назвали «кушеткой для разговоров по душам».

За пультом сидел Ной.

Он не обернулся. Сидел вполоборота, в наушниках, и водил пальцем по ряду ползунков, будто проверяя струны. Серая футболка, тёмные волосы, которые давно пора было подстричь, и привычная сутулость человека, который всю жизнь старался занимать как можно меньше места.

Год назад я вот так же стояла на пороге этой рубки и не знала, что в следующую минуту моя жизнь сделает странный поворот, а я его не замечу.

Я кашлянула.

Он снял один наушник и повернул голову. Секунду мы просто смотрели друг на друга. Он выглядел... нормально. Спокойно. Абсолютно спокойно, и это почему-то оказалось хуже, чем если бы он злился.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

— Мистер Маккензи сказал, что ты согласился помочь.

— Ага.

— Ну, то есть... — Я шагнула внутрь и положила блокнот на край стола. — Спасибо. Мы с Зои очень ценим.

— Мне нужен был повод не сидеть дома, — сказал Ной.

Это прозвучало так буднично, что я не поняла, шутка это или нет.

Я решила, что шутка, и засмеялась. Ной не засмеялся. Ничего страшного. У некоторых людей чувство юмора просто спит под тремя одеялами.

Он вернулся к пульту, и я осталась стоять посреди комнаты, не зная, куда деть руки. Тишина растянулась. Три секунды. Пять.

Нельзя оставлять в эфире тишину.

— Так, — сказала я бодро и раскрыла блокнот. — Я тут набросала идеи. Мы можем делать вечерний эфир, раз в неделю или два раза. Тематические выпуски: советы по учёбе, школьная жизнь, музыка. Я подумала, что можно разыграть приз среди слушателей, например, купон в столовую...

Я перевернула страницу. Ещё одну. Мой блокнот был исписан мелким почерком, обведён стрелками, подчёркнут трижды и местами заляпан кофе. Страниц тридцать идей, и каждая казалась мне гениальной в три часа ночи.

Ной снова снял наушник и молча взял со стола мой блокнот. Я не успела возразить. Он пролистал пару страниц, остановился на одной и задержал взгляд.

— Ты собираешься вести эфир, — сказал он наконец, не поднимая глаз, — или объявлять войну тишине?

Я моргнула.

— Что?

— Здесь, — он повернул блокнот ко мне и ткнул пальцем в строчку. Моим собственным почерком там было написано: *«Ни одной паузы дольше трёх секунд!!!»* Три восклицательных знака. Я помнила, как их рисовала. — Звучит как манифест.

— Это называется профессионализм.

— Это называется страх тишины.

— А ты, — я скрестила руки на груди, — собираешься хоть когда-нибудь улыбаться? Или это запрещено правилами звукорежиссуры?

Ной наконец посмотрел на меня. Глаза у него были серые, и я вдруг заметила, что под ними легли тени. Он плохо спал. Давно.

— Только после полуночи, — сказал он. — За дополнительную плату.

Я рассмеялась. Не специально. Просто смех вырвался сам, лёгкий и неожиданный, и в рубке стало чуть светлее. Ной отвернулся к пульту и стал занят настройкой микрофона, который, насколько я могла судить, был настроен ещё до моего прихода.

Он будто боялся, что я увижу на его лице то, чего показывать не собирался.

Я отогнала эту мысль. Не придавать значения мелочам — первое правило того, кто хочет оставаться в безопасности.

* * *

Зои появилась через сорок минут с пакетом печенья и таким видом, будто пришла на спектакль.

— Ну что? — спросила она с порога, оглядывая нас. — Кто победил?

— Мы обсуждаем формат, — сказала я.

— Мы молчим, — сказал Ной.

— Он молчит, — уточнила я. — Я обсуждаю.

— Прекрасно, — Зои плюхнулась на диван в студии и закинула ноги на подлокотник. — Тогда у меня предложение. Предлагаю не придумывать очередную рубрику про конспекты и расписание. Люди это и так знают. Нужно что-то, от чего им захочется включить радио. Что-то настоящее.

— Например? — спросила я.

Зои пожала плечами и откусила печенье.

— Ты уже пишешь советы в блоге. Тебе пишут люди. Про друзей, про парней, про всё подряд. Ты отвечаешь, и это читают сотни человек. Почему бы не делать то же самое в эфире?

Я открыла рот, чтобы возразить, и закрыла.

Мой блог. «Спросите Хлою». Начинался как шутка, как страница с мемами и нелепыми советами, а потом кто-то написал мне всерьёз, и я ответила всерьёз, и вдруг оказалось, что у меня получается. Люди писали о том, о чём не могли говорить вслух. Я отвечала, подбирая слова так тщательно, как другие подбирают ключ к замку.

Это было единственное место, где мне никогда не приходилось шутить.

— Анонимно, — медленно сказал Ной.

Я обернулась. Он не смотрел ни на меня, ни на Зои. Он смотрел на пульт, но, кажется, видел что-то далёкое.

— Если письма будут анонимными, — продолжил он, — люди смогут написать то, что не сказали бы лично. Никто не узнает, чьё это письмо. Это... — он поискал слово, — безопасно.

— Вот, — Зои театрально указала на него печеньем. — Человек, который говорит раз в сутки, и тот понимает. Хлоя, ты читаешь письма, отвечаешь в эфире. Ной включает музыку и звук. Я собираю и сортирую. Идеальная команда.

— Вечернее шоу, — сказала я, чувствуя, как внутри что-то оживает. Та самая искра, которая появляется, когда идея ещё не стала планом, но уже стала желанием. — Не новости, не расписание. Просто... голоса.

— Письма в ящик у входа, — подхватила Зои. — И в формочку на сайте.

— Название?

Мы переглянулись. Даже Ной слегка повернул голову.

— «Ночной эфир»? — предложила Зои.

— Слишком банально.

— «Говорит школа»?

— Слишком официально.

— «Всё, что мы не сказали», — произнёс Ной.

В рубке стало тихо. Не мёртвая тишина, а другая. Такая, когда кто-то сказал что-то лишнее, и все делают вид, что не заметили.

Я посмотрела на него. Он смотрел на ползунки и, кажется, жалел, что открыл рот.

— Хорошо, — сказала я. — Но это, наверное, длинно для названия.

— Это не название, — быстро ответил Ной. — Это рабочая формулировка.

— Пока рабочая, — сказала я. — Потом посмотрим.

Зои смотрела на нас обоих с таким выражением лица, что мне захотелось её чем-нибудь кинуть.

* * *

Мы просидели до семи. К шести я вспомнила, что у меня в сумке яблоко, и оно оказалось тёплым и ужасным. К половине седьмого Зои составила график первых трёх выпусков, нарисовала логотип в виде микрофона с ушами и объявила, что ненавидит нас обоих за то, что мы заставляем её работать.

Ной за всё это время произнёс, наверное, сорок слов. Я считала. Не специально.

Когда мы начали собираться, он остановил меня у двери.

— Хлоя.

Я обернулась. Он стоял у пульта, держа в руках какой-то провод, и вид у него был такой, будто он собирался сказать что-то важное, а потом передумал.

— Завтра я принесу микрофон получше, — сказал он. — Тот, что сейчас, шипит на твоих согласных.

— Я не шепелявлю.

— Я не сказал, что шепелявишь. Он шипит.

— Это одно и то же.

— Нет, — он слегка пожал плечами. — Просто твой голос чуть выше обычного диапазона. Нужен другой микрофон.

Я замерла в дверях.

Он говорил о моём голосе. Спокойно, технично, как о детали. Но он знал про мой голос что-то, чего я сама о себе не знала.

— Спасибо, — сказала я.

— Это работа.

— Всё равно.

Он ничего не ответил. Я вышла в коридор и слышала, как за спиной он снова надевает наушники.

Лестница была пустой, и мои шаги отдавались гулко. Зои уехала раньше. В окне на площадке догорал закат, красно-золотой, такой, какой бывает только в конце долгого дня. Я остановилась и достала телефон, чтобы написать маме, что задержусь. Потом вспомнила, что задержалась уже на три часа и мама, конечно, не писала, потому что была на работе.

Я убрала телефон и посмотрела на закат.

Год назад я стояла здесь же. В это же время суток. С похожим светом на стенах.

Год назад Ной Харпер сказал мне то, что я не сумела услы-

шать. Я ответила шуткой, потому что испугалась. Потом сказала себе, что всё было несерьёзно. Потом убедила себя, что и он так считает.

Мы никогда об этом не говорили.

Зои была права.

Но я была права тоже. Это было давно. Мы изменились. Мы взрослые люди, которые могут работать вместе, не вспоминая неловкие моменты годичной давности.

Всё будет хорошо, сказала я себе.

Я спустилась на первый этаж и ни разу не сбилась со счёта ступенек. Их было сорок восемь. Хороший знак, решила я.

Я очень старалась в него поверить.

Глава 2. Ной. Яблоко

Когда её шаги затихли на лестнице, я выключил верхний свет и снял наушники.

У каждой комнаты своя тишина. В радиорубке она состоит из трёх слоёв. Нижний слой — гул старого трансформатора, пятьдесят герц, ровный, как дыхание спящего зверя. Над ним тонкий звон люминесцентной лампы, которую никто не меняет, потому что она «ещё работает». И сверху то, что невозможно измерить: звук места, где долго говорили люди.

Я сидел и слушал, как этот третий слой оседает после её смеха.

Он звучал странно. Не громко, но почему-то заполнял всю комнату, и теперь, когда его не стало, пустота казалась больше обычного. Я не записывал. Просто сидел.

Она забыла яблоко. Оно лежало на краю пульта, рядом с ползунком, отвечающим за второй микрофон: красное, с блестящим бочком, тёплое, потому что пролежало в сумке шесть часов. Я взял его и повертел в руках. Дурацкая привычка. Хлоя говорила Зои когда-то, что яблоко «для уверенности», и я запомнил, потому что это было смешно и совсем не смешно одновременно.

Я не знал, что с ним делать. Выбросить? Оставить? Отдать завтра, как будто это нормальный поступок?

Я положил его в ящик стола, под паяльник и катушку припоя. Закрыл ящик.

Потом сидел ещё минут десять и смотрел на пустую студию через стекло. На диван, где только что сидела Зои с ногами на подлокотнике. На второй микрофон, повёрнутый чуть вбок, потому что Хлоя говорила, жестикулируя, даже когда никто её не видел.

Десять месяцев я не заходил в эту рубку.

Десять месяцев, две недели и два дня. Я не считал, цифры просто сами остались.

Сегодня утром, за час до начала уроков, я пришёл сюда один, чтобы убедиться, что смогу. Просто сел за пульт, положил ладони на ползунки и проверил, не дрожат ли руки. Не дрожали. Я решил, что это хороший знак.

А потом она вошла и сказала: «Привет».

И я понял, что рубка была ни при чём.

* * *

Дома пахло жареным луком и остывшим кофе.

Отец стоял на кухне и ел стоя, как обычно перед сменой. Тарелку он держал в левой руке, вилку в правой, а взгляд у него был направлен на окно, за которым ничего не происходило. Склад, где он работал, начинал смену в восемь вечера. Мы пересекались на кухне минут двадцать в день, и эти двадцать минут были лучшими в нашем распорядке.

— Привет, — сказал он. — Там лук. Если хочешь.

— Спасибо.

Я положил себе из сковородки и сел за стол. Отец доел, помыл тарелку, поставил её в сушилку. Всё это молча. С отцом мы умели молчать вместе, и я не знал, хорошо это или плохо.

— Мне звонила твоя директриса, — сказал он, вытирая руки полотенцем.

— Маккензи?

— Да. Спросила, не против ли я, что ты будешь задерживаться на радио.

Я поднял глаза.

— И что ты сказал?

— Что ты взрослый человек и сам решаешь. — Он повесил полотенце на ручку духовки и аккуратно расправил его, чтобы не висело криво. — Но я подумал, ты говорил, что больше туда не пойдёшь.

— Говорил.

— Передумал?

Я посмотрел на тарелку. Лук был золотистый и чуть пригоревший, как всегда.

— Нужно было помочь, — сказал я.

Отец кивнул. Он не спросил, кому. Не спросил, почему «нужно», если я десять месяцев упорно обходил третий этаж. Он просто взял с вешалки куртку и застегнул молнию до подбородка.

У двери остановился.

— Ной.

— Да?

— Если там что-то... — Он подбирал слова так, как люди подбирают их, когда пользуются ими редко. — Если там что-то не так, ты можешь сказать.

— Всё нормально, пап.

— Ага, — сказал он. — Я так и думал.

Он ушёл. Дверь закрылась, замок щёлкнул. Дом остался без него, как каждый вечер. Здесь тишина не состояла из слоёв. Здесь она была плоской стеной.

Я не любил эту тишину. Но к ней привыкаешь.

* * *

В своей комнате я не стал включать верхний свет. Достал гитару, сел на край кровати, и пальцы нашли аккорды сами.

Это была та самая вещь. Я никогда не называл её даже про себя. В блокноте, который лежал под матрасом, она значилась под рабочим номером: «двадцать третий вариант». Я переписывал её с прошлой весны. Менял тональность, переставлял куплет и припев, убирал мост, возвращал мост, снова убирал. Мелодия оставалась той же, но каждый раз, когда я играл её, во мне что-то поворачивалось, и не мог понять, нравится мне это или нет.

Я сыграл куплет. Потом припев. Дошёл до моста, того самого места, где мелодия поднимается на ступеньку и на секунду зависает, не зная, куда пойти дальше.

Я остановился.

В пятом классе мне сказали, что у меня хороший слух. В

девятом я научился паять и чинить колонки. В одиннадцатом я понял, что хочу всю жизнь делать вот это: перебирать струны и ловить звук так, чтобы он звучал как правда. Об этом знала только гитара. Ни отец, ни школьный консультант, ни одна из трёх анкет музыкального колледжа, которые я скачал в феврале и спрятал в папку с названием «Физика, конспекты».

Я положил ладонь на струны, и они замолчали.

Год назад я собирался сказать это вслух. Не только то, что случилось в рубке. Всё сразу. Что я хочу уехать, что я хочу играть, что я придумал музыку для неё и не знаю, достаточно ли она хороша. Репетировал два месяца, знал каждое слово. Пришёл и сказал лишь первое.

А она засмеялась.

Нет. Не засмеялась. Это было бы проще. Она сказала шутку. Лёгкую, быструю, такую, какие она говорила пять раз за день. Про то, что у меня талант выбирать самые драматичные моменты, и что мне надо в театральный. И улыбнулась. Той самой улыбкой, которой она закрывает дверь изнутри.

Я запомнил каждое слово. Двенадцатого мая, четыре двадцать после полудня.

Остальные слова, те, что я приготовил, так и остались у меня.

Я отложил гитару и лёг на спину, глядя в потолок. Где-то на третьем этаже, в пустой рубке, в ящике стола лежало красное яблоко, и в этом не было ничего особенного.

Просто совпадение. Просто яблоко.

Я повторял это себе, пока не уснул.

* * *

В среду я пришёл в школу в семь десять. Рубка была ещё холодной. Ночью отключили отопление в этом крыле, и пластик пульта отдавал в пальцы лёгким зимним холодом.

Микрофон я принёс из дома. Динамический, чёрный, потёртый до серебра на корпусе. Я купил его три года назад на барахолке за сорок долларов у человека, который сказал, что он «когда-то принадлежал настоящему диджею». Я не поверил, но звучал он действительно хорошо. Он не вылавливал шипящие и не подчёркивал высокие частоты. Он слушал голос так, как слушает хороший собеседник: не выискивая ошибки.

Я снял старый микрофон со штатива и поставил свой. Проверил кабель. Выставил уровень. Поднял фильтр низких частот, чтобы убрать вибрацию стола, и проверил ещё раз. Работа успокаивает. Пока ты занят, никто не спрашивает, о чём ты думаешь.

В семь пятьдесят дверь открылась.

— Я знаю, что рано, — сказала Хлоя вместо приветствия. — Я просто не спала. То есть спала, но недолго. Придумала три формата, два названия и один сценарий первого эфира, а потом забыла, в чём была суть, и пришла разобраться.

В одной руке у неё был стакан кофе навынос, в другой блокнот, из которого торчали разноцветные закладки. Воло-

сы собраны в пучок, из которого они уже начали выбираться, и на левом запястье чёрная резинка, которую она всегда крутила, пока говорила.

— Привет, — сказал я.

— Привет, — она осеклась и огляделась. — Ты уже здесь. Давно?

— Недавно.

— Врёшь.

— Нет.

— У тебя замёрзший нос.

Я не стал отвечать. Она улыбнулась, не мне, а самой себе, и пошла к студии. Остановилась перед стеклом.

— Это новый?

— Да.

— Красивый. — Она подошла и осторожно коснулась кончиком пальца сетки. — Он как будто... с историей.

— Он с историей. Мне сказали, что принадлежал диджею.

— Врут.

— Знаю.

— Но красивый всё равно.

Она села на стул перед микрофоном, и я вернулся за пульт. Надел наушники. Нажал кнопку.

— Скажи что-нибудь.

— Что именно?

— Что угодно. Мне нужно проверить уровень.

Хлоя наклонилась к микрофону и сделала серьёзное лицо.

— Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали, — произнесла она. — Мой кот считает, что тарелки существуют, чтобы их роняли. Это не шутка, это философская позиция. Ной Харпер ненавидит печенье. Нет, подожди, это неправда, просто он не любит, когда его ловят на том, что он любит печенье.

Я смотрел на ползунки.

— Всё в порядке? — спросила она. — Я что-то не то сказала?

— Нет. Ещё.

Она говорила. Про кота, про вчерашний дождь, про то, что в столовой ввели новый салат, который выглядит как наказание. Я слушал её голос в наушниках.

Раньше он был в старом микрофоне другим. Резче, острее. Все эти «с» и «ш» вылезали вперёд и царапали. Теперь они сгладились, и под ними проступило то, что всегда там было и чего не мог поймать плохой микрофон: тёплая хрипотца на нижних нотах, лёгкая улыбка в каждом слове, привычка слегка вздёргивать фразу вверх, будто она всегда немного удивлена тому, что говорит.

Я убрал палец с ползунка.

— Ной?

— Всё. Уровень выставлен.

Она сняла наушники, которые я дал ей, и посмотрела на меня через стекло. Что-то в её лице изменилось.

— Это я?

— В смысле?

— Ну, в наушниках. — Она коснулась уха, будто голос ещё оставался там. — Я думала, у меня голос как у мультяшной мыши. Все говорят, что он... высокий. А тут он... — Она запнулась. — Нормальный. Даже, наверное, приятный.

— Это ты, — сказал я.

— Ладно, — она тихо рассмеялась. — Тогда, видимо, дело в микрофоне.

— Видимо.

Я не сказал ей, что дело не в микрофоне. Что голос у неё был таким всегда. Что я слышал его в коридорах, в столовой, в пустой рубке.

Просто теперь она тоже его услышала.

* * *

Зои ворвалась в четыре. С ящиком.

Это была обувная коробка, оклеенная жёлтой бумагой и обмотанная серебристым скотчем так щедро, что она напоминала подарок, который долго собирали по частям. Сверху была прорезана щель. А на крышке красовалась надпись огромными красными буквами: **ВСЁ, ЧТО МЫ НЕ СКАЗАЛИ**.

Я посмотрел на надпись. Потом на Зои.

— Это же рабочая формулировка.

— Это же гениально, — возразила Зои. — Я нарисовала плакаты. Двенадцать штук. По одному на каждый этаж плюс столовая.

— Я не... — начал я.

— Пока рабочее, — спокойно сказала Хлоя из угла, не отрываясь от блокнота.

Зои посмотрела на неё. Потом на меня. Потом снова на неё, и в уголках её рта появилась очень подозрительная улыбка.

— Конечно, — сказала она. — Рабочее. Но люди уже читают.

— Читают? — переспросила Хлоя. — Ты что, уже повесила?

— Один. Для проверки. У главного входа.

Хлоя закрыла блокнот.

— Зои. Мы даже не обсудили, где повесим ящик.

— Вот и обсудим. Ной?

— Что?

— Ты же можешь его прикрутить. К стене. Чтобы не унесли.

— Могу.

— Прекрасно. Значит, вопрос решён. Хлоя, не смотри так. Это называется делегирование.

Я взял отвёртку и четыре самореза из верхнего ящика, там, где лежало яблоко, и закрыл ящик быстрее, чем нужно. Никто не заметил. Зои в этот момент объясняла Хлое, почему ящик обязательно должен быть жёлтым.

Мы повесили его у библиотеки, там, где коридор делает поворот и никто не стоит надолго. Зои держала коробку,

Хлоя придерживала лестницу, хотя никакой лестницы не было, а был просто табурет. Я прикручивал. Руки работали сами. Я чувствовал плечом, как Хлоя стоит в полуметре, и старался не думать о полуметре.

— Криво, — сказала Зои.

— Нет.

— Левый край ниже.

— Он на уровне.

— Ты слепой?

— У меня есть уровень.

— У тебя есть уровень? — Хлоя засмеялась. — Серьёзно? Ты ходишь с уровнем?

— В рюкзаке.

— Ты ходишь с уровнем в рюкзаке.

— Это инструмент, — сказал я. — Не преступление.

Она смеялась, и я отвернулся к стене, чтобы она не увидела моего лица. Саморезы я закрутил чуть сильнее и дерево отозвалось тихим скрипом.

Потом мы стояли втроём и смотрели на жёлтый ящик на серой стене.

— Выглядит жалко, — сказала Зои.

— Выглядит как надежда, — сказала Хлоя.

— Это одно и то же.

* * *

Четверг и пятница прошли в ожидании.

Я каждое утро приходил на двадцать минут раньше и про-

верял ящик. В четверг он был пуст. Зои приписала к плакату мелким шрифтом «Пишите! Мы не кусаемся!» и нарисовала зубастый микрофон. В пятницу утром Хлоя тоже пришла пораньше, но не к ящику. Я заметил это, потому что она прошла мимо него быстро и почти демонстративно не повернула головы.

Она нервничала. Я знал это по тому, как она шагала: быстрее, чем обычно, и чуть выше поднимала подбородок. В четверг, пока мы настраивали уровни для пробного эфира, она вообще ни разу не остановилась. Рассказала нам три истории подряд, одну про соседку с попугаем, другую про дядю, который однажды угнал по ошибке чужую лодку, третью я не запомнил, потому что она начала её на середине и закончила на другой.

А потом посмотрела на часы и поняла, что прошло четыре часа, и она за это время не выпила ни глотка воды.

Я заметил это раньше. Просто не говорил.

Когда Хлоя ушла в студию, чтобы попробовать читать вслух вымышленное письмо, я налил воды из кулера в школьный пластиковый стакан и поставил на стол рядом с микрофоном. Молча. Без записки. Без жеста. Просто поставил и вернулся за пульт.

Она заметила через минуту, на середине фразы. Остановилась.

— Это мне?

— Это стакан.

— Я не просила.

— Ты не просила, — согласился я.

Она посмотрела на стакан. Потом на меня сквозь стекло. Потом взяла и выпила половину, очень медленно, будто проверяла, не отравлено ли.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

— Ты это заметил? Ну, что я не пью?

— Ага.

— Всегда?

Я сделал вид, что занят уровнем.

— Продолжай, — сказал я. — У тебя там была фраза про соседку.

Она ещё секунду смотрела на меня. Потом тихо хмыкнула, поправила резинку на запястье и вернулась к тексту. Но теперь стакан стоял рядом, и она поглядывала на него каждые две минуты, будто он сам мог что-то сказать.

А я думал о том, что она никогда не спрашивала, откуда я знаю. Просто приняла как факт. Как принимают, что вода мокрая.

* * *

В пятницу, в семь сорок, я стоял у жёлтого ящика.

Коридор был почти пустым. Где-то внизу хлопнула дверь, уборщица катила ведро, и колёса отстукивали на плитке неровный ритм. Из окна падал косой утренний свет. Он ложился на стену, на плакат Зои с зубастым микрофоном, на

серебристый скотч, который уже начал отклеиваться на углу.

Я не собирался проверять ящик. Я просто шёл мимо.

Но рука сама потянулась к крышке.

Бумажная щель была чуть шире, чем нужно. Внутри что-то белело.

Я открыл крышку.

Внутри лежал один-единственный сложенный листок. Тетрадный, в клетку, сложенный вчетверо и перегнутый, как складывают письма, которые писали долго и не хотели, чтобы их открыли случайно.

На секунду я просто смотрел на него.

Потом взял. Бумага была лёгкой. Слишком лёгкой для того, что в ней, наверное, было написано.

Первым делом я подумал: *не мне*. Это самое разумное, что можно подумать. Это письмо чужое, для чужого эфира, от неизвестного человека, который, может быть, сидит сейчас в классе на первом этаже и ждёт, прочтут ли его вопрос.

Вторым делом подумал: *надо отдать Хлое*.

Третьим: *не сейчас*.

Я сунул листок во внутренний карман куртки, не разворачивая. Закрыл ящик. Расправил отклеившийся уголок скотча и прижал его большим пальцем, пока клей не схватился.

Потом пошёл наверх, на третий этаж, и бумага лежала у меня под курткой, у самого сердца, легко и неподвижно.

Я шёл и слушал, как она шуршит при каждом шаге.

У неё была своя частота.

Совсем тихая.
Но я уже знал, что не смогу её не слышать.

Глава 3. Хлоя. Первое письмо

В пятницу я прошла мимо жёлтого ящика так быстро, что едва не сбила первоклассника с рюкзаком размером с него самого.

Я не собиралась проверять. Это принципиальная позиция. Если проверить ящик и найти его пустым, это будет провал. Если проверить и найти там что-нибудь, это будет ответственность. А если не проверять вообще, можно оставаться в приятном состоянии неопределённости, где у проекта всё ещё есть шансы.

Зои называет это «стратегией страуса». Я называю это «управлением ожиданиями».

— Ты опять не посмотрела, — сказала Зои на перемене, догоняя меня у шкафчиков. Она жевала что-то в ярко-оранжевой упаковке и выглядела так, будто всю ночь не спала, но абсолютно этим довольна. — Два дня прошло. Два!

— Люди не пишут письма в ящики в первые два дня. Им нужно время, чтобы собраться с духом.

— Или чтобы забыть.

— Спасибо, Зои. Очень поддерживающе.

— Я поддерживаю реальностью, — она хлопнула дверцей моего шкафчика, которая не закрывалась без этого жеста. — Ладно, иди. У тебя алгебра. Постарайся не писать на полях «Привет, дорогие слушатели».

Я один раз так сделала. Один. В прошлом году. Меня до сих пор помнят.

Весь день я ходила по школе и считала шаги до третьего этажа. К четырём часам набралось, по ощущениям, около миллиона.

* * *

Ной сидел за пультом спиной к двери. На столе рядом с ним стоял стакан с водой и я решила не обращать на него внимания. Если что-то не замечать достаточно долго, оно перестаёт быть событием.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

— Ничего не слышно?

— Что?

— Ну, от ящика. Зои уверена, что мы прогорели.

Ной не ответил сразу. Он снял наушники, положил их на пульт, потом повернулся ко мне вместе со стулом. Лицо у него было такое же спокойное, как всегда. Но руку он держал в кармане толстовки, и я заметила это, потому что заметить подобное было моей профессией.

— Сегодня утром, — сказал он. — Одно.

Он вытащил из кармана сложенный вчетверо листок в клетку и положил на пульт, между нами.

Я посмотрела на него. Листок казался меньше, чем должен был, и белым на сером фоне.

— Одно? — повторила я. — Письмо?

— Ага.

— Настоящее? Не «привет, вы лохи» и не рисунок?

— Не рисунок.

— Ты его читал?

— Нет.

Я подняла глаза.

— Совсем?

— Это не моё письмо, — сказал Ной.

Это прозвучало слишком просто. Как будто тут не было вопроса. Я хотела спросить: «А почему ты сразу не принёс?» — но слова застряли. Не знаю почему. Что-то в том, как он положил руку на край пульта, заставило меня промолчать.

— Хорошо, — сказала я. — Спасибо.

Листок я взяла осторожно, почти сразу развернула. Бумага была мягкая, с заломами, и по ней сразу было видно, что её сворачивали и разворачивали много раз, прежде чем отправить. Почерк мелкий, ровный, очень аккуратный. Такой бывает у людей, которые думают над каждой буквой.

Я прочла вслух. Потому что так читают письма, адресованные эфиру. Потому что молча бы не смогла.

— «Мне кажется, я нравлюсь человеку. Он помнит мелочи обо мне, всегда рядом и иногда смотрит так, будто хочет что-то сказать. Но вдруг я просто всё придумал?»

Дочитав, я долго стояла с листком в руках.

В рубке было тихо.

— Вот, — сказала я наконец. — Вот то, ради чего мы всё

это затеяли.

— Ага.

— Нет, правда. Смотри. Это же просто... — Я подбирала слово. — Это ровно то, что люди не говорят. И пишут. Он же не спрашивает «что делать». Он спрашивает, не сошёл ли он с ума.

— Ага, — повторил Ной.

Я села на край дивана в студии, не выпуская листок.

— Знаешь, что мне нравится? — спросила я. — «Иногда смотрит так, будто хочет что-то сказать». Это же очень точно. Я видела такие взгляды. Когда человек хочет сказать, но не говорит, и ты понимаешь по тому, как он набирает воздух.

Ной ничего не ответил. Он стал занят проверкой кабеля.

— Ответ очевидный, — продолжила я. — Нужно поговорить. Прямо. Без намёков, без вот этих «а вдруг». Просто пойти и спросить: «Слушай, мы друг другу нравимся или мне кажется?» Конечно, это страшно, но всё лучше, чем гадать месяцами.

— Мгхм.

— Ты согласен?

Пауза. Три секунды. Четыре.

Я собиралась заполнить её, но не стала.

— Легко советовать, — сказал Ной тихо, — когда не тебе придётся услышать ответ.

Я моргнула.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на кабель в своих ру-

ках, наматывал его на ладонь ровными кольцами, и голос у него был не сердитым и не насмешливым. Просто очень ровным.

— Но это же... — начала я.

— Это не критика, — сказал он. — Просто наблюдение.

— Нет, подожди. Ты что, считаешь, что мне не стоит так отвечать?

— Я считаю, что тому, кто написал это письмо, страшнее, чем ты думаешь.

— Я знаю, что ему страшно.

— Знаешь, — согласился Ной. — Но не как он.

Он закончил наматывать кабель и повесил его на крючок. Потом надел наушники и повернулся к пульту, и разговор закончился так же, как начинался: тихо, без объявления.

А я осталась сидеть на диване и держать письмо. Что-то в его фразе зацепилось и не отпускало.

Не как он.

Он сказал это так, будто знал, как именно страшно. Не вообще, не в теории. Как человек, который это пробовал.

Я посмотрела на его спину. Серая футболка, острые лопатки, чуть склонённая голова. Из-под наушника выбивалась прядь тёмных волос.

Год назад я видела эту спину совсем рядом.

Нет. Не думай об этом.

Я встряхнулась и сказала громко и весело, своим радиоголосом:

— Так, команда! У нас есть письмо. Что дальше?

* * *

Зои влетела через десять минут и сразу заметила листок в моих руках.

— Оно есть! — Она остановилась на пороге и прижала ладонь к груди. — Оно настоящее! Ты видишь? Это настоящее письмо!

— Тише, — сказала я. — Ты его спугнёшь.

— Дай прочитать.

— Я только что прочла вслух. Ты опоздала.

— Тогда ещё раз.

Я прочла ещё раз. Зои слушала, прищурившись, и губы у неё слегка шевелились.

— Это любовное, — сказала она, когда я закончила.

— Это про неуверенность.

— Это любовное. — Зои взяла листок, перевернула и посмотрела на обратную сторону, будто там мог быть адрес. — Почерк мелкий. Аккуратный. Скорее мальчик. Или педантичная девочка. Такие люди обычно в десятом или одиннадцатом. Хлоя, как ты думаешь, кто это?

— Не знаю.

— Но ты же можешь догадаться!

— Нет, не могу. И не хочу.

Зои посмотрела на меня удивлённо.

— Ты что, не хочешь знать?

— Зои, это анонимные письма. — Я забрала листок и

осторожно сложила его по старым сгибам. — Весь смысл в том, что мы не знаем. Если мы начнём гадать, кто это написал, люди перестанут писать. Нужно сразу договориться. Правило номер один: никаких догадок. Мы не спрашиваем, не выясняем, не сравниваем почерки. Мы просто отвечаем.

Зои открыла рот, закрыла, снова открыла.

— То есть даже мне нельзя?

— Особенно тебе.

— Почему «особенно»?

— Потому что ты через два дня выложила бы список подозреваемых в классный чат.

Зои посмотрела на потолок с видом оскорблённого достоинства.

— Это было один раз, — сказала она. — И он был обоснованный.

— Правило номер один, — повторила я твёрдо. — Ной?

Он не обернулся.

— Принято, — сказал он.

— Принято, — вздохнула Зои. — Но если я случайно что-то увижу...

— Не увидишь.

— А если...

— Зои.

— Ладно, ладно. — Она подняла обе ладони. — Правило номер один. Никаких догадок. Клянусь печеньем.

Это была её самая серьёзная клятва.

Я положила письмо в блокнот, между страницами, на самом видном месте, и закрыла.

* * *

Мы сидели до шести, разбирая формат первого эфира.

Первое: он будет вечером, в восемь, чтобы не мешать урокам, но чтобы все успели вернуться из кружков. Второе: длина сорок минут, не больше. Третье: начало и конец с музыкой, а между ними голос Хлои и Ноя. Ной сказал, что в эфире он говорить не будет. Я сказала, что будет. Он сказал, что нет. Мы это обсудили с интонацией людей, которые заранее знают, чем закончится спор, но всё равно считают нужным его провести.

— Ты же как-то должен представиться, — сказала я. — Люди должны знать, кто за звуком.

— Они знают, что за звуком кто-то есть.

— Это не одно и то же.

— Это ровно одно и то же. Хороший звук тот, который не замечают.

— Как хороший звукорежиссёр? — подсказала Зои с дивана.

— Именно.

— Скучно, — сказала она.

— Профессионально, — сказал Ной.

— Скучно профессионально.

Он не ответил, но уголок его рта чуть дрогнул. Я заметила. Потому что искала.

Нет, не искала. Просто заметила.

Мы с Зои вдвоём набросали план: вступление, два письма, музыкальная пауза, ещё два письма, прощание. Если писем будет мало, я придумаю вопросы сама. Если много, будем растягивать на две недели. Если ни одного, то мы, наверное, прогорим, но красиво.

В шесть Зои убежала забирать брата Дэна из продлёнки. В полседьмого я собрала блокнот. Ной всё ещё сидел за пультом. Я не знала, чем он занимается. Крутил какие-то ручки, смотрел на какие-то лампочки, и вид у него был такой, как будто так он может сидеть вечно.

— Ты не уходишь? — спросила я.

— Позже.

— Тебя отец ждёт?

— Отец по пятницам берёт дополнительную смену.

— А.

Я стояла в дверях и вдруг поняла, что не хочу уходить. Не потому что скучно или одиноко. Просто в рубке было хорошо: тёплый воздух, запах пластика, ровный свет лампочек на пульте, и тишина, в которой не нужно было ничего заполнять.

— Ладно, — сказала я. — Тогда до понедельника.

— До понедельника.

Я вышла, прикрыла за собой дверь и вдруг вспомнила: стакан. Он стоял на пульте полный и нетронутый. Я так и не выпила ни глотка.

Я хотела вернуться. Но не вернулась.

* * *

Дома пахло карри и мамиными духами. Эти два запаха всегда шли вместе, потому что мама готовила в рабочем костюме, не снимая жемчужных серёжек, как будто у каждого ужина была своя повестка.

— Хлоя, — позвала она из кухни. — Руки мыть.

— Мыла.

— Не мыла.

Я помыла. Это была наша привычная партия, и мы обе знали все реплики.

За столом сидел отец с планшетом и читал новости, не поднимая глаз. Рядом на стуле лежал наш кот Мафин, толстый, рыжий и абсолютно уверенный, что стул принадлежит ему по праву рождения. Когда я села, Мафин открыл один глаз, оценил обстановку и демонстративно отвернулся.

— Он на тебя обижен, — сообщил папа, не отрываясь от экрана. — Говорит, ты вчера пришла поздно и не рассказала ему про свой день.

— Скажи ему, что у меня сложный период.

— Он говорит, у него тоже.

— У него? У него единственная проблема в жизни — миска с кормом.

— Миска с кормом, — серьёзно сказал папа, — это экзистенциальный вопрос.

Мама поставила на стол блюдо с рисом и села напротив.

Спина у неё была прямая, как всегда, а взгляд внимательный: она собиралась задать вопрос и уже знала, какой ответ хочет услышать.

— Как день? — спросила она.

— Нормально.

— А радио?

— Идёт.

— Хорошо. — Мама взяла вилку. — Хлоя, я хотела с тобой поговорить. Через две недели в университете проходит день открытых дверей. Юридический факультет. Я записала нас обеих.

Я замерла с ложкой над тарелкой.

— Мам...

— Просто посмотреть. Ничего не обязывает. Там будут преподаватели, студенты, можно задать вопросы. Ты же всегда хорошо говорила. Это очень пригодится. Адвокатам нужен голос.

Голос.

Ну конечно.

— Мне всего семнадцать, — сказала я. — Я ещё не...

— Я понимаю, что ты не решила. Но подать документы нужно к зиме, а подготовка занимает время. Это просто экскурсия.

Папа поднял глаза от планшета и посмотрел на меня поверх очков. Он не вмешивался. Он никогда не вмешивался, но смотрел так, будто готов вмешаться, если я подам сигнал.

Я ему сигнал никогда не подавала. Не знаю почему. Наверное, потому что вмешательство означало бы, что есть спор, а у нас в семье споров не было. Были тихие согласия, о которых никто не просил.

— Хорошо, — сказала я.

Мама улыбнулась. Тёплой, довольной улыбкой человека, у которого всё идёт по плану.

— Умница, — сказала она.

Я кивнула и положила в рот ложку риса. Он был вкусный, острый, с мягким привкусом кардамона, и я жевала его долго, чтобы не нужно было говорить.

Кивать — это мой главный талант. Я уже давно это поняла.

* * *

В комнате я включила настольную лампу, свалила рюкзак на стул и села на кровать, подтянув ноги. Мафин пришёл следом, тяжело запрыгнул на одеяло и улёгся у меня на коленях, как шерстяная грелка.

— Предатель, — сказала я ему. — Только что обижался.

Мафин зевнул.

Блокнот лежал на коленях. Я открыла его на нужной странице. Письмо лежало там, где я его оставила. Развернула.

Читая, я пыталась услышать, как оно звучит. Не слова, а голос, который их написал. Мальчик или девочка? Тихий или громкий? Смешной или серьёзный? Но слова не открывали ничего. Только аккуратные буквы, написанные ровным

почерком, и пустота за ними.

Но вдруг я просто всё придумал?

Ответ я знала. Конечно, знала. Нужно поговорить. Это же очевидно. Я писала это десятки раз, в блоге, в личных сообщениях, в комментариях. Я говорила людям, что молчание ничего не решает. Что неопределённость хуже отказа. Что смелость не в том, чтобы не бояться, а в том, чтобы сказать, даже когда страшно.

Я написала это в первых строчках черновика. Потом написала ещё. Потом остановилась.

Легко советовать, когда не тебе придётся услышать ответ.

Я зачеркнула строчку. Потом зачеркнула следующую. Потом сидела, глядя на лист, исписанный и перечёркнутый, пока Мафин не боднул меня головой в локоть, требуя внимания.

— Он ведь был прав, — сказала я вслух. — Да? Чуть-чуть?

Мафин мяукнул.

— Спасибо. Очень помогаешь.

Я отложила блокнот, достала телефон, и в тот момент, когда уже собиралась написать Зои, пальцы сами открыли приложение для заметок. Нажали красный кружок записи.

Старая привычка. Только не для того, чтобы отвечать.

— Привет, — шёпотом сказала я в телефон, натягивая одеяло на голову. — Это, как всегда, я. Сорок вторая замет-

ка. Сегодня у меня есть настоящее письмо. Первое настоящее. И я совершенно не знаю, что сказать.

Я замолчала. Шорох одеяла, дыхание, тиканье часов где-то над кроватью.

— Я консультант по чужим чувствам, — сказала я. — Я могу объяснить, что делать, когда тебе кажется, что человек к тебе что-то чувствует. Знаю все правильные слова. Я могла бы читать лекции. Но почему-то, когда он сказал эту фразу...

Я остановилась.

— Не он. Не «он». Ной. Он просто сказал, что мне легко советовать. И почему-то это... — Я подбирала слова. — Это не обидело. Это просто попало. Куда-то. Туда, где обычно у меня шутка.

Пауза.

— Это странно, да? Что человек, который говорит двадцать слов в день, может...

Я замолчала. Потом выключила запись, не договорив.

Мафин лежал на коленях тёплой тяжестью, мурлыча почти беззвучно. За окном мигал фонарь, отбрасывая на потолок оранжевое пятно.

Я лежала и думала про письмо, про почерк, про стакан воды, который так и остался нетронутым на пульте. Думала про то, что завтра суббота, а я уже скучаю по этой комнате без окон, пахнущей горячим пластиком.

Я открыла блокнот и начала писать ответ заново. Теперь медленно, обдумывая каждое слово.

Дорогой друг. Мне кажется, что самое страшное в твоём письме не вопрос, а слово «придумал». Потому что оно значит, что ты уже готов отказаться от того, что чувствуешь, ещё до того, как кто-то сказал «нет».

Я остановилась. Перечитала.

Это было честнее.

Я писала до полуночи.

* * *

В двенадцать десять, когда ответ был готов, я потянулась к телефону, чтобы поставить будильник.

На экране горело уведомление. Не новое. Старое, давно закреплённое вверху. Небольшая серая строчка в самом верху списка сообщений. Имя я не читала, потому что и так знала. Рядом дата: двенадцатое мая прошлого года.

Я не открывала его.

Нет, неправда. Открыла один раз, быстро, в ту же ночь, как открывают конверт со счетом: чтобы проверить сумму, не читая подробностей. Увидела, что там несколько строк. Увидела, что он написал их сам. Закрыла.

С тех пор оно висело там. Я не удаляла и не прятала. Просто не нажимала.

Палец завис над экраном.

Серое пятнышко, несколько слов, десять месяцев. Где-то на третьем этаже, в рубке, стоит стакан воды, который я не выпила.

Я нажала на будильник. Поставила на семь тридцать. По-

ложила телефон экраном вниз.

Мафин мурлыкал во сне. Фонарь за окном мигал.

А я лежала в темноте и очень старалась не думать о том, что человек, который сегодня сказал мне про страх, знал о нём гораздо больше, чем я.

Глава 4. Ной. Первый эфир

В понедельник в семь сорок вечера в радиорубке пахло горячей пылью и чужим страхом.

Страх был не мой. Мой я знал давно и носил, как носят старую куртку: не замечая веса. Этот был другой, лёгкий, дрожащий, и шёл он от студии, где Хлоя в третий раз переставляла блокнот на столе.

— Он лежит криво, — сказал я в микрофон связи.

— Блокнот?

— Стол.

— Стол не может лежать криво.

— Он стоит криво. Но блокнот ты кладёшь ровно по краю, а свет падает неправильно. Тебе будет мешать блик.

Хлоя посмотрела на стол, потом на меня через стекло, и на её лице было выражение человека, которого поймали на чём-то личном.

— Ты следишь, как я кладу блокнот?

— Я слежу за светом.

— Конечно, — сказала она и сдвинула блокнот на два сантиметра вправо.

Блика не стало. Я кивнул и вернулся к пульту.

Сегодня я проверил всё трижды. Кабели, уровни, фильтры, резервный канал на случай, если школьный сервер упадёт, как он падал каждую вторую среду. Я составил спи-

сок музыки: для начала мягкий инструментальный фон, без слов, чтобы не конкурировать с её голосом. Для середины что-нибудь тише. Для финала ничего. Я решил, что финал должен заканчиваться тишиной, и это решение мне нравилось, хотя я не знал, согласится ли с ним Хлоя.

Зои сидела на диване в студии и раскладывала письма по стопкам. С пятницы в ящике накопилось восемь штук. Зои назвала это «лавиной» и пять минут исполняла танец победы в коридоре, пока её не остановила уборщица.

— Итак, — сказала она, поднимая верхний листок. — Категория «любовь»: два. Категория «друзья»: два. Категория «семья»: ноль, но не потому что у людей нет проблем, а потому что они ещё не набрались смелости. Категория «лазанья в столовой»: три.

— Три? — переспросила Хлоя.

— Люди очень переживают. Один пишет, что она «пахнет предательством».

— Мы это не читаем в эфире.

— Ты уверена? — Зои покачала письмом. — Это самый честный текст из всех.

— Зои.

— Ладно, ладно. Но я оставлю на случай, если нам понадобится разрядка.

Хлоя засмеялась. Смех у неё был нервный, чуть выше, чем обычно, и я заметил, что резинка на левом запястье уже сильно растянута: она крутила её с самого прихода.

Я налил стакан воды и пошёл в студию.

Поставил рядом с блокнотом. Не сказал ничего.

— Я уже, — сказала она.

— Нет.

— Откуда ты знаешь?

— Стакан был полный утром. Ты не пила в обед. Не пила по дороге сюда.

Она открыла рот. Закрыла. Потом взяла стакан и выпила, не отрывая от меня глаз.

— Ты ужасный человек, — сказала она. — Знаешь об этом?

— Мне говорили.

— Кто?

— Ты. Только что.

Зои на диване издала звук, как будто подавилась печеньем, и быстро уткнулась в письма.

* * *

В семь пятьдесят пять я вернулся в рубку и надел наушники.

Тишина в эфире отличается от обычной. Она пустая, как стеклянная банка. Ты знаешь, что где-то есть слушатели, но не слышишь их. Тебе нужно просто довериться, что провод ведёт куда-то.

Я посмотрел на часы. На экране под ними горело число слушателей, которых система насчитала на подключении: ноль. Но это было ничего. До начала оставалось пять минут.

— Хлоя, — сказал я в микрофон связи. — Проверка.

— Слышу.

— Громче.

— Слышу!

— Не надо кричать.

— Ты сказал громче!

— Я сказал: проверка уровня. Не нужно орать.

Она засмеялась, и этот смех я записал в уровнях, как записывают погоду. Он был тёплым и хрипловатым на нижних нотах, а потом срывался вверх.

— Ной, — сказала она. — Если ты вдруг услышишь, что я вру или говорю глупости...

— Я не буду слушать.

— Нет. Если услышишь. Остановишь меня?

Я посмотрел на неё через стекло. Она сидела за столом, прямая, с руками на блокноте. Волосы всё-таки выбились из пучка, и несколько прядей лежали на щеке. Лицо у неё было очень серьёзным, и я вдруг понял, что она спрашивает не про эфир.

— Нет, — сказал я.

— Нет?

— Не остановлю. Ты сама услышишь.

Хлоя секунду молчала. Потом кивнула, медленно, и сказала:

— Ладно.

Я включил красную лампу над дверью.

— Эфир через десять секунд, — сказал я. — Девять. Восемь.

Зои на диване затаила дыхание и сжала в руках пакет с печеньем так, что оно захрустело. Хлоя поправила наушники. Положила ладони на стол. Вдохнула.

— Три. Два.

Я нажал кнопку, и лёгкая музыка пошла в эфир, как вода по трубе.

— Один.

* * *

— Добрый вечер, — сказала Хлоя.

Голос у неё был не такой, как в рубке. Он стал глубже, тише, медленнее. Это был голос, который она, наверное, берегла для особых случаев. Для тех, когда нужно сказать что-то по-настоящему. Он не рвался вверх. Он стелился.

— Меня зовут Хлоя Беннет, и вы слушаете школьное радио. Да, мы ещё существуем. Да, у нас теперь есть новый формат. И нет, это не очередная передача про то, как подготовиться к экзаменам. — Она улыбнулась, я услышал это в голосе. — Сегодня у нас вечер анонимных писем. Вы писали нам. Вы бросали записки в жёлтый ящик у библиотеки, про который, надеюсь, вы слышали, потому что моя подруга Зои повесила двенадцать плакатов и обещала расплакаться, если вы не придёте.

На диване Зои тихо взвизгнула и закрыла лицо руками.

— Мы здесь не для того, чтобы кого-то судить. И не для

того, чтобы угадывать, кто вы. Это правило, и мы относимся к нему серьёзно. Мы здесь, чтобы слушать. Иногда это самое трудное, что можно сделать.

Она сделала паузу. Я ждал, что она заполнит её. Хлоя не заполнила. Пауза длилась ровно две секунды, и в эти две секунды я услышал, как её дыхание проходит через сетку микрофона, ровное и чуть дрожащее.

— Первое письмо.

Она развернула листок. Бумага зашелестела.

Я знал текст наизусть, хотя не читал. Просто слышал, как она читала его вслух в пятницу. Теперь её голос произнёс те же слова, но иначе, мягче, как человек, который вносит чужую вещь в дом и не хочет её уронить.

— «Мне кажется, я нравлюсь человеку. Он помнит мелочи обо мне, всегда рядом и иногда смотрит так, будто хочет что-то сказать. Но вдруг я просто всё придумал?»

Я убавил фоновую музыку на два децибела.

В студии стояла тишина, а в наушниках, в той части эфира, которая была только для нас, слышалось дыхание. Хлои. Зои. Моё собственное.

— Я хочу сказать, что на вопрос «вдруг я всё придумал» у меня есть ответ, и мне очень хочется, чтобы он был правильным, — произнесла Хлоя. — Вчера вечером я написала для вас целую речь. Про то, что нужно поговорить. Что молчание хуже отказа. Что нужно набраться смелости.

Она замолчала.

Я поднял глаза. Она смотрела не в блокнот. Она смотрела в стекло, на меня. Не прямо, чуть мимо, но достаточно, чтобы я знал: она знает, что я смотрю.

— Но потом, — сказала Хлоя, — один человек сказал мне, что советовать легко, когда не тебе придётся услышать ответ.

Меня как будто ударило током по позвоночнику.

— И я подумала: он прав. Мне легко говорить «поговори». Мне ничего не стоит произнести это слово. Тебе стоит всего. Поэтому я не скажу, что нужно сделать. Я скажу другое.

Она закрыла блокнот.

— Самое страшное в твоём письме, — произнесла она, — слово «придумал». Потому что оно значит, что ты уже готов отказаться от того, что чувствуешь, ещё до того, как кто-то сказал «нет». Ты уже закрываешь дверь изнутри. Не потому что сомневаешься в нём. Потому что боишься, что он тебя не выберет, и хочешь успеть первым.

Она сделала вдох.

Я перестал дышать.

— Я не знаю, придумал ли ты это. Никто не знает, кроме него. Но я знаю одно: если человек помнит мелочи о тебе, это не случайность. Мелочи не помнят случайно. Их запоминают, потому что человек слушал. Всерьёз. Это не доказательство. Но это не пустяк.

Тишина.

Она не заполнила её.

Я смотрел на счётчик секунд. Три. Четыре. Пять. Хлоя сидела неподвижно, ладони лежали на закрытом блокноте. Я видел, как её горло дёрнулось один раз. Видел, как пальцы левой руки легли на запястье и нашли резинку.

Шесть. Семь.

Я поднял ползунок музыки на одно деление. Совсем чуть-чуть. Чтобы тишина не была голой. Чтобы эти секунды было на что опереть.

Восемь.

— Иногда, — сказала Хлоя тихо, — самое смелое, что мы можем сделать, это перестать говорить и просто подождать. Посмотреть, что скажет другой человек. Не шутить. Не заполнять паузу.

Она подняла глаза на меня через стекло.

— Ной. А ты что думаешь?

Я не двигался.

В наушниках я услышал, как на диване Зои медленно опустила пакет с печеньем.

— Ты сказал, что говорить в эфире не будешь, — продолжила Хлоя в микрофон, и в голосе у неё было что-то такое, чего я не слышал раньше: тихая, почти виноватая решимость. — Но я думаю, ты должен. Хотя бы раз. Потому что ты замечаешь то, чего не замечаю я.

Она нажала кнопку на своём пульте, и в студии над моим микрофоном загорелась зелёная лампочка. Мой канал был открыт.

Первый раз в жизни я сидел перед включённым микрофоном и не знал, куда деть руки.

— Это нечестно, — сказал я.

Мой голос прошёл через эфир. Низкий, глухой, не мой. Я его почти не узнал.

— Знаю, — сказала Хлоя, и по голосу было слышно, что она улыбается. — Я импровизировала.

На диване Зои беззвучно закрыла рот обеими руками и затряслась.

Я смотрел на микрофон. Я знал, что нужно сказать. Я знал это с пятницы. Я знал это с мая.

— Я думаю, — сказал я медленно, — что тот, кто замечает мелочи, не придумывает. Он просто боится поверить в то, что видит.

Я остановился.

— Это всё.

Тишина длилась ровно три секунды. Потом Хлоя сказала:

— Спасибо.

И повторила, чуть громче, в сторону слушателей, в сторону серых динамиков в столовой и телефонов в карманах учеников:

— Спасибо.

Я выключил свой канал. Руки у меня были холодные. Ладони влажные. Сердце стучало в ушах так громко, что я боялся, как бы его не поймал чувствительный микрофон.

* * *

Мы вели эфир ещё тридцать пять минут.

Второе письмо было про друга, который перестал отвечать на сообщения. Третье про девочку, которая боялась пригласить подругу на день рождения, потому что дома не убрано. Четвёртое Зои выбрала лично, вручную, и оно оказалось про лазанью. Хлоя прочла его с таким серьёзным лицом, что я боялся, как бы Зои не лопнула, и ответила так, будто это обращение к ООН.

— Мы с вами, — сказала она в конце, — и мы вас слышим. Если вам кажется, что лазанья пахнет предательством, вы не одиноки.

Зои сползла с дивана на пол.

Музыка на выходе. Я плавно поднял её и дал ей закончить. Ровно на последней ноте выключил, и в эфире осталась тишина. Долгая, чистая, без единого звука. Я держал её десять секунд.

Потом погасил красную лампу.

— Эфир окончен, — сказал я.

Хлоя сидела за столом с открытыми глазами и смотрела прямо перед собой. Зои лежала на полу и тихо стонала от смеха. А мои пальцы всё ещё лежали на ползунках.

— Ну? — сказала Зои с пола. — Это было нормально?

— Это было, — медленно произнесла Хлоя, — самое страшное, что я делала в жизни.

— И?

— И я хочу сделать это ещё.

Она засмеялась. Зои вскочила с пола и бросилась её обнимать. Хлоя на секунду растерялась, а потом обняла в ответ, и над плечом Зои посмотрела на меня через стекло.

Я не отвёл взгляд.

На секунду она перестала смеяться. Потом тихо, одними губами, так, чтобы я прочёл, сказала:

Ты меня обманул.

Я покачал головой.

Это ты.

Она ещё секунду смотрела на меня. Потом зажмурилась, улыбнулась и уткнулась лицом в плечо Зои.

* * *

Цифры принесла Зои. В восемь пятьдесят она влетела в рубку, размахивая телефоном.

— Пятьдесят три!

— Что пятьдесят три? — спросила Хлоя.

— Слушателей! Онлайн! В пике! — Зои развернула экран. — Я проверила в статистике. Пятьдесят три человека. И это ещё не считая столовой и спортзала, где динамики включены. Хлоя, у нас было больше слушателей, чем за прошлый год!

— Не может быть.

— Может! Мне Дженна из девятого написала. Сказала, что их класс слушал в коридоре. Они сидели на полу у динамика!

Хлоя схватилась за рот. Я видел, как у неё блестят глаза,

и отвернулся, будто проверял что-то в пульте.

— Сколько писем в ящике? — спросил я.

— Ещё не смотрела. Но уже три сообщения на сайте. Три!

Я кивнул. Достал из кармана телефон, чтобы написать отцу: «Всё нормально, задержусь». И увидел, что от него уже есть сообщение, пришедшее в 20:41.

Слышал. Маккензи прислала родителям ссылку. Хорошо говоришь.

Я перечитал три раза.

Отец писал сообщения короткими обрывками, без знаков препинания, словно экономил на буквах. «Слышал». Значит, он сидел на складе, в обеденный перерыв, с наушником в одном ухе. «Хорошо говоришь».

Я никогда не слышал, чтобы он так говорил.

Я набрал: «Спасибо». Стёр. Набрал: «Не за что». Стёр.

Отправил: «Ага».

Через минуту пришёл ответ: «Ага».

Я положил телефон в карман и вдруг понял, что улыбаюсь.

— Ты улыбаешься, — сказала Хлоя.

Я поднял глаза. Она стояла в дверях студии, прислонившись плечом к косяку. Волосы совсем растрепались. Щёки горели. В руке она держала стакан, пустой.

— Нет.

— Ной Харпер. Ты улыбаешься.

— Это мышцы.

— Какие?

— Лицевые.

— Это первый раз в жизни, когда я вижу, как они работают, — сказала Хлоя. — Записать в блокнот?

— Только после полуночи, — сказал я.

— За дополнительную плату?

— За очень большую.

Она засмеялась. И пошла к Зои, которая уже раскладывала на столе новые письма и вслух читала заголовки. Я остался у пульта.

В кармане куртки лежала сложенная бумажка. Не письмо. Я не писал писем. Просто вчерашняя записка: «Купить новый кабель, 3 метра, XLR». Я достал её, посмотрел на неровные буквы и вдруг понял, что рядом с этим пунктом в моём списке дел уже два года ничего не меняется. Нигде не было слова про колледж. Нигде не было слова про музыку. Нигде не было слова про то, что я хочу, а не что нужно.

Я сложил записку обратно.

В студии Хлоя громко смеялась над чем-то, что сказала Зои. Её голос был теплым и высоким, и сквозь стекло я слышал его почти без шума, как слышал бы без всякого микрофона.

Я не знал, что делать с тем, что случилось этим вечером. Хлоя сказала в эфире, что я замечаю то, чего не замечает она. Она не знала, что я замечаю. Она не знала, как давно.

Но она спросила. Первый раз за год она посмотрела на меня и спросила, что я думаю.

И я сказал.

Не про письмо. Не про человека, который боится поверить в то, что видит.

Я говорил про нас обоих. Но этого, к счастью, никто не слышал.

Кроме, может быть, одного человека.

Глава 5. Хлоя. Я не хочу быть причиной

Во вторник утром я впервые поняла, что у голоса есть лицо.

Не моё. Моё я знала. А то, которое появляется у человека в чужой голове, когда он слышит голос и пытается к нему что-нибудь приделать. Я шла по коридору к шкафчику, и на меня смотрели так, как смотрят на человека, который вчера вечером сказал в микрофон слишком много.

— Это ты была? — спросила девочка из девятого, остановившись так резко, что за ней чуть не врезался парень с виолончелью. — Вчера. На радио.

— Ну... возможно.

— Про лазанью!

— Это была Зои, — сказала я. — Лазанья полностью её идея.

— Это было лучшее, что я слушала за год, — серьёзно сказала девочка и убежала, пока я не успела придумать ответ.

У шкафчика меня уже ждали ещё двое. Один парень из параллельного класса сказал, что «в целом неплохо», что на языке старшеклассников означало высшую похвалу. Девочка, которую я вообще не знала, молча протянула мне запис-

ку, сложенную в маленький треугольник, и ушла. Записка гласила: *«Спасибо, что не сказали, что надо просто быть смелым».*

Я сунула её в карман и долго не могла застегнуть молнию на сумке.

Нельзя сказать, что мне не нравилось. Мне нравилось так, что было почти физически неловко. Как если бы тебе вдруг выдали новую кожу, на полразмера меньше, и теперь она везде жмёт.

— Беннет.

Я обернулась. Передо мной стоял Тайлер Рид из одиннадцатого «Б», капитан школьной команды по плаванию и обладатель самого громкого смеха в нашем коридоре. Он прищурился.

— Слушай, у меня вопрос. Это ты ведёшь «Спросите Хлою»?

Меня как будто ударили по затылку мокрым полотенцем.

— Что?

— Блог. «Спросите Хлою». Мне на днях ответили про мою ситуацию. — Он покраснел, но продолжал смотреть. — Там такая интонация... Ну, как в эфире. Ты даже слово «честно» так же ставишь.

— Это... совпадение, — сказала я.

— Угу, — Тайлер явно не поверил, но, видимо, решил, что хватит. — Ладно. Если вдруг это ты, мне просто хотелось сказать спасибо. За прошлый месяц.

Он ушёл. А я стояла, прижавшись спиной к шкафчику, и смотрела ему вслед.

Мой блог был анонимным. Это было важное условие. Люди писали мне, потому что я не была никем конкретным, потому что за «Хлоей» не стояло лица, которое можно встретить в столовой. Если они узнают, что это я, письма изменятся. Люди станут осторожнее. Станут красивее. Станут лучше. А мне были нужны не лучшие, а честные.

Я набрала Зои.

— У меня проблема, — сказала я вместо приветствия.

— У тебя всегда проблемы. Что на этот раз?

— Тайлер Рид узнал, что я веду блог.

— О, — сказала Зои. — Он красивый.

— Зои.

— Ладно. Серьёзно. Это плохо?

— Не знаю.

— Хлоя. Дыши. Ты три года ведёшь анонимный блог, и никто не догадался. Один человек понял по запятым. Это не катастрофа, это комплимент.

— Он понял по слову «честно».

— Тем более, — сказала Зои. — Значит, ты звучишь как ты. Это называется «личный стиль». Вот увидишь, к пятнице весь класс будет делать вид, что это он всегда знал.

Я закрыла глаза.

— Ты меня не успокаиваешь.

— Я пытаюсь, — сказала Зои. — Но давай после уроков.

У меня для тебя кое-что есть. Девятнадцать писем.

— Что?

— Девятнадцать, — повторила она с таким наслаждением, как будто лично выиграла в лотерею. — В ящике. За ночь. Приходи ко мне, будем разбирать. Заодно познакомишься с Дэном. Он хочет с тобой поговорить про кота.

— Дэн знает про Мафина?

— Дэн знает про всех котов в радиусе пяти кварталов.

* * *

Квартира Зои находилась на втором этаже кирпичного дома рядом с автобусной остановкой. На лестнице пахло чем-то жареным и немного стиральным порошком. На коврике у двери лежали три пары обуви разного размера: женские туфли для работы, потрёпанные кроссовки Зои и крошечные синие ботинки с липучками.

— Дэн! — крикнула Зои, открывая дверь. — Мы пришли!

Из глубины квартиры донёсся топот, и в коридор выкатилась маленькая фигура в футболке с динозавром. Дэн был худой, лохматый, с огромными зелёными глазами, такими же, как у сестры, только без насмешки. В руках он держал планшет.

— Ты Хлоя? — спросил он.

— Я Хлоя.

— У тебя кот?

— Кот. Рыжий. Зовут Мафин.

— Он толстый?

— Очень.

— Сколько весит?

— Одиннадцать килограммов.

Дэн задумался, оценивая серьёзность цифры.

— Это нормально, — сказал он наконец. — Мой друг Макс говорит, что у них кот тринадцать. Но это, наверное, вранье.

— Наверное, — согласилась я.

— Ладно, — сказал Дэн и убежал обратно, довольный итогом переговоров.

Зои покачала головой.

— Вот так он знакомится. Обычно мне приходится объяснять всем, что он нормальный.

— Он нормальный.

— Он очень голодный. Подожди.

Она ушла на кухню и вернулась с пакетом печенья, которое, видимо, лежало где-то в стратегическом запасе. Мы расположились на полу в гостиной среди разбросанных игрушек, стопок школьных учебников и пары грязных носков, которые Зои пнула под диван с такой скоростью, что я сделала вид, что ничего не заметила.

На журнальном столике стояла обувная коробка с письмами. Зои высыпала их на ковёр.

Их оказалось не девятнадцать. Двадцать три. Зои сказала, что четыре пришли днём, пока мы были на уроках.

Мы сортировали их часа два. Зои делила на стопки: «лю-

бовь», «друзья», «семья», «школа», «неопределённое», «лазанья». Я читала, выбирала, откладывала в сторону те, на которые можно было ответить в эфире. Мне казалось, что я читаю чужие дневники, и каждый раз внутри что-то сжималось.

Письма были разные. Девочка писала, что боится своей учительницы музыки, но любит играть. Мальчик спрашивал, что делать, если лучший друг начал общаться с другой компанией. Кто-то умолял совета, как попросить прощения у человека, которого обидел полгода назад, и признавался, что с тех пор каждый раз переходит на другую сторону коридора. Я читала и думала: «Как же много людей, которые хотят сказать что-то, а не могут».

«Мы все так делаем».

Зои перебирала свою стопку молча. Обычно она комментировала каждое письмо, как футбольный матч. Но сейчас она читала медленно, иногда возвращаясь к началу. В какой-то момент она остановилась на одном листке и замерла.

— Что там? — спросила я.

— Ничего.

— Зои.

— Нет, правда. Просто... — Она протянула мне листок. — Прочти.

Бумага была не из тетради. Простая белая, из принтера, сложенная пополам. Почерк другой, чем в первом письме: крупный, торопливый, с наклоном влево. Строчки шли чуть

вверх.

Я прочла.

«Мой лучший друг собирается уехать. Он ещё никому не сказал, но я знаю. Я вижу по тому, как он смотрит на карты и на сайты. Я хочу, чтобы он остался. Но если я попрошу, получится, что я заставляю его отказаться от мечты. Как правильно?»

Я прочла дважды. Потом подняла глаза.

Зои сидела, обхватив колени руками, и смотрела не на меня, а куда-то мимо, в окно, за которым медленно темнело.

— Это твой почерк? — спросила я осторожно.

— Нет, — сказала она слишком быстро. — Это не я. Я бы не стала писать, у меня нет лучшего друга, который уезжает. Ты же здесь.

— Конечно.

— Просто странно, — сказала Зои. — Что именно этот вопрос. Что люди придумывают такое.

— Угу.

Она взяла печенье, откусила, не почувствовала вкуса.

Правило номер один, подумала я. Никаких догадок.

Но я всё равно смотрела на Зои и думала о том, что она сама в последнее время ходит со странным выражением. И вспомнила, как на прошлой неделе она быстро убрала телефон, когда я подошла.

— Зои, — сказала я.

— Что?

— Всё в порядке?

— Всё отлично. — Она улыбнулась так широко, что стало понятно: нет. — Эй, давай лучше решим, какое выберем для четверга. Мне кажется, это нужно прочесть. Ты же не против?

Я смотрела на неё секунду. Две.

— Не против, — сказала я.

И не спросила больше ничего. Потому что чувствовала: это тот случай, когда вопрос будет похож на дверь, которую открывают без стука.

Из соседней комнаты донёсся детский голос:

— Зои! У меня закончилась зарядка!

— Сейчас!

Зои встала, потянулась и бросила на меня короткий, усталый взгляд.

— Дэн, — сказала она. — Вечный двигатель с батарейкой.

Мама Зои пришла в семь тридцать, когда мы уже убирали бумаги. Невысокая, тонкая женщина в форме медсестры с бейджем «Кэтрин Миллер» на груди. Она вошла, поставила сумку на пол и несколько секунд просто стояла, прислонившись плечом к дверному косяку, с закрытыми глазами. Я видела её такой всего несколько мгновений, но этого хватило.

Потом она открыла глаза, увидела меня и улыбнулась.

— Хлоя! Зои много о тебе рассказывает. Ты радио ведёшь, да? Я слушала.

— Вы слушали?

— В автобусе, по пути домой. Зои скинула ссылку. — Она помолчала. — Ты хорошо говоришь. Очень по-настоящему.

Я не знала, что ответить. Это было сказано так просто и устало, без всякого желания польстить, что слова застряли.

— Спасибо, — сказала я.

— Зои, — мама повернулась к дочери. — Ты Дэна покормила?

— Да. Макароны.

— И уроки?

— Да, мам.

— Хорошо. — Она потёрла лицо ладонями. — Что бы я без тебя делала.

Зои улыбнулась. Но в этой улыбке был какой-то странный надлом, как трещина в чашке, которую ты до сих пор не замечала.

Я попрощалась и ушла. На лестнице я остановилась, прислонилась к стене и несколько секунд просто стояла.

Что бы я без тебя делала.

Любая мама так скажет. Но Зои услышала её иначе. Я видела, как она услышала.

* * *

В четверг письмо №2 лежало на моём столе в студии, поверх блокнота, под яркой лампой.

— Готова? — спросил Ной в наушники связи.

— Нет, — сказала я. — Но начнём.

— Как всегда.

Он включил красную лампу. Я набрала воздуха.

Второй эфир шёл лучше первого. Мы уже знали, куда смотреть, куда класть руки, как переговариваться без слов. Зои сидела на диване, на этот раз без печенья: она жевала карандаш и не сводила с нас глаз. Ной сидел за пультом в серой футболке, с усталым лицом человека, который опять не выспался, но в наушниках у него ровно гудел фон, и я знала, что в нужный момент он чуть приглушит музыку, чтобы голос лёг на тишину, как на бархат.

Я прочла первое письмо: про девочку, которой стыдно, что она не любит свой день рождения. Ответила. Потом прочла второе: про мальчика, который не знал, как сказать маме, что ему не нравятся кружки, на которые она его водит. Ответила. Музыкальная пауза.

В паузе Ной переключил канал.

— Хлоя, — сказал он в наушниках. — Следующее письмо.

— Я знаю.

— Ты хочешь, чтобы я...

— Нет, я сама.

Я развернула белый лист из принтера. Бумага шуршала в тишине студии. Крупный наклонный почерк теперь выглядел так, будто строчки хотели сорваться вверх.

— *«Мой лучший друг собирается уехать»*, — прочла я. — *«Он ещё никому не сказал, но я знаю. Я вижу по тому, как он смотрит на карты и на сайты. Я хочу, чтобы он*

остался. Но если я попрошу, получится, что я заставляю его отказаться от мечты. Как правильно?»

Я остановилась.

У меня была готовая реплика. Заготовка, с красивыми словами о том, что настоящая дружба не держит, а отпускает. Я написала её три дня назад и ею гордилась.

И не смогла произнести ни слова.

В студии стояла такая тишина, что я слышала, как скрипит ножка стула под Зои.

Я не заполнила паузу. Я даже не пыталась.

— Я думаю...

Голос включился в наушниках раньше, чем я успела договорить. Я подняла глаза.

Ной смотрел на меня через стекло, и по зелёной лампочке над его пультом я поняла, что он включил свой канал сам. Без моего знака.

— Можно? — спросил он, и это было, наверное, самое тихое «можно» в моей жизни.

Я кивнула.

— Мне кажется, — сказал Ной в эфир, — что тут две разные вещи, и их нельзя смешивать. Первая: хочешь ли ты, чтобы он остался. Вторая: имеешь ли ты право его просить. — Он помолчал. — Первое можно хотеть. Второе нужно решать честно.

Голос у него был ровный, но не такой, как в первый эфир. Тогда он говорил осторожно. Теперь это был голос того, кто

давно думал над ответом.

— Никто не должен отказываться от будущего ради чужого спокойствия, — продолжал он. — Даже если этот человек любит его. Особенно если любит. Потому что если он останется ради тебя, то однажды посмотрит на тебя и вспомнит, что не поехал. И тебе придётся жить с этим взглядом.

Тишина.

— Но просить можно, — добавил он. — Не «останься». А «я буду скучать». Это разные фразы. Первая забирает выбор. Вторая оставляет.

Я не шевелилась.

Это были не просто слова. Я слышала, что он говорит не письмо. Он говорил что-то своё, с такой ровной точностью, что у меня по рукам побежали мурашки.

— Спасибо, — сказала я.

Голос вышел тоньше, чем нужно.

— Иногда нам кажется, что самое важное — удержать человека, — сказала я в микрофон, пытаясь вернуть себе радиоголос. — А на самом деле важно, чтобы он знал: что бы он ни выбрал, он не станет для нас менее дорогим.

Я посмотрела на Зои.

Она сидела на диване, прижав карандаш к губам, и смотрела на меня такими глазами, что я поняла: не нужно было читать это письмо. Нужно было. Но не при ней. Или именно при ней.

* * *

Мы закончили в двадцать сорок. Ной выключил красную лампу, и в рубке стало очень тихо.

Зои ушла первой. Сказала, что нужно забрать Дэна с продлёнки, и исчезла быстрее, чем я успела спросить, всё ли хорошо. Я не стала её догонять.

Я собрала бумаги. Ной возился с кабелями, сматывая их кольцами. Мы оба делали вид, что заняты.

— Ты не должен был отвечать, — сказала я наконец.

— Я знаю.

— Но ты ответил.

— Ага.

— Хорошо ответил.

Он не обернулся, но плечи чуть дрогнули.

— Это было про письмо, — сказал он.

— Я знаю.

Я повесила сумку на плечо. Дошла до двери. Остановилась.

Нельзя оставлять тишину.

Но я оставила.

— Ной, — сказала я.

— Да?

— Ты уезжаешь?

Он замер. Кабель в его руках перестал двигаться. Я видела только его спину, и спина у него была очень прямая.

— Куда? — спросил он.

— Не знаю. — Я пожала плечами, хотя он не мог этого

видеть. — Просто ты сказал это так, будто знаешь. Про то, как смотрят на тех, кто остался.

Пауза. Четыре секунды. Пять.

— Это про письмо, — повторил Ной.

— Ладно.

— Правда.

— Я сказала: ладно.

Он наконец повернулся. Лицо у него было спокойное. Совсем спокойное. Но у него дрогнул один мускул на скуле, совсем чуть-чуть, и этого хватило.

— До пятницы, — сказал он.

— До пятницы.

Я вышла в коридор. Он пустовал. Серый вечерний свет лежал на полу прямоугольниками окон.

Я шла к лестнице и вдруг поняла, что не знаю одну простую вещь.

Не знала, где будет Ной Харпер через полгода.

Мы работали вместе больше недели. Мы сидели рядом по три часа в день. Я знала, что он добавляет в кофе ровно полторы ложки сахара, что не любит печенье с изюмом, что при волнении щёлкает ногтем по ногтю. Я знала, как звучит его голос на семидесяти герцах и на восьмидесяти. Я знала, что он оставляет воду.

Но я не знала, куда он собирается поступать.

Я ни разу его не спросила.

Мы не говорили про будущее. Не потому что оно было

тайной, а потому что оба умело обходили эту тему, как обходят ступеньку, о которую когда-то споткнулись.

Я остановилась на площадке между этажами и достала телефон.

Серая строчка в списке сообщений. Дата: двенадцатое мая.

Может быть, ответ на вопрос, который я только что не задала, лежал именно там. В нескольких строчках, которые я боялась прочесть.

Телефон погас в руке.

Я стояла в пустом коридоре, и сердце билось так сильно, что, казалось, его слышно даже без микрофона.

Глава 6. Ной. Письмо, которого не было

Домой я дошёл пешком, хотя автобус ходил до десяти.

Мне нужно было время, чтобы разобраться в звуках. После эфира в голове остаётся что-то вроде остаточного шума: чужие фразы, собственная интонация, пауза, в которой Хлоя спросила: «Ты уезжаешь?» Я прокручивал её снова и снова, как плёнку, пытаясь найти место, где можно было ответить иначе.

Нашёл три. И ни одно меня не устроило.

Город в это время суток звучал по-особому. Мартовский воздух пах сырой землёй и бензином. Где-то во дворах хлопали двери подъездов, гудел трансформатор на углу, скрипели качели, на которых никто не качался, и всё это складывалось в ровный фон, на котором так легко думать.

Она не должна была спрашивать. Не так прямо. Не в дверях, не вполоборота, со своей сумкой на плече и своим «просто ты сказал это так, будто знаешь». Она не должна была слышать то, что слышит только человек, который сам однажды стоял на этом месте.

Но она услышала.

Хлоя слышала всё. Это было её проклятием и её талантом одновременно, и я понял это ещё год назад, когда стоял пе-

ред ней и думал, что смогу произнести заранее выученные слова ровным голосом. Она слушала меня тогда так внимательно, что я забыл половину текста. А потом она заговорила, и в её голосе дрогнуло что-то, и я понял: она всё поняла. Каждое слово. Каждую интонацию. И испугалась.

Вот в чём была ошибка. Не в шутке. Шутка была просто способом закрыть дверь, пока не поздно.

* * *

В квартире горел свет.

Это было необычно. Отец уходил на склад к восьми, возвращался к семи утра, и по вечерам окна нашей квартиры были тёмными, как закрытые глаза. Я остановился на площадке, прислушался и разобрал: чайник, тихий. Шаги, неторопливые. Кто-то сидел на кухне и не спал.

Я открыл дверь.

Отец сидел за столом в рабочей куртке, с кружкой в руках. На столе перед ним лежал конверт. Белый, плотный, с цветным логотипом в углу.

Я знал этот логотип.

— Привет, — сказал отец.

— Ты не на работе.

— Меня отпустили. У Рика заболел ребёнок, он взял мою смену, я его. — Он говорил ровно, глядя в кружку. — Почта пришла сегодня. Я хотел положить к тебе в комнату, но подумал: лучше отдам сам.

— Спасибо.

Я не двигался. Конверт лежал на столе, как предмет, который никто не решался трогать.

— Это не письмо, — сказал отец. — Каталог. Брошюра с программой. Они, наверное, автоматически рассылают тем, кто скачивал анкеты.

Он сказал «скачивал» так, словно произносил слово на чужом языке.

— Откуда ты...

— Ной. — Отец поднял глаза. — Я не слепой.

Секунду мы смотрели друг на друга. Он был усталый, с красными прожилками в глазах и серой щетиной, которую не успел сбрить. Руки лежали на столе, большие, потрескавшиеся от холода и картона. Я вдруг заметил, что на правом запястье у него та же татуировка, что и всегда: маленькая нота, нарисованная кривым школьным пером. Я видел её с детства и никогда не спрашивал.

— Я не решил, — сказал я.

— Что именно?

— Поступать или нет.

— Это не одно и то же, — сказал отец. — Не решить и не хотеть.

Я не ответил.

Он отпил из кружки и поставил её на стол. Звук получился глухой, неровный, как удар по дереву.

— Я нашёл анкеты, — сказал он. — Две недели назад. Искал в твоём компьютере счёт за интернет. Они лежали в

папке. «Физика, конспекты».

— Ты не должен был...

— Не должен. — Он кивнул. — Но нашёл. Я долго думал, как сказать. Потом решил, что ты скажешь сам. А ты не говоришь.

— Потому что...

Я осёкся.

Потому что это дорого. Потому что колледж в другом городе, а это общежитие, перелёты, инструмент, плата за обучение. Потому что отец работает по ночам и по выходным, а я ем лук с картошкой и делаю вид, что мне так нравится. Потому что есть вещи, о которых я не имел права просить.

— Ной, — сказал он. — Деньги — это моя проблема. Не твоя. Моя. Понимаешь?

— Пап...

— Я не говорю, что будет легко. Будет трудно. Но это мой выбор. Я могу выбирать, на что их тратить.

Он помолчал.

— Знаешь, что я тебе скажу? Когда ты был маленьким, я думал, что ты будешь инженером. Ты разбирал всё, что попадалось под руку. Радио, телефон, часы. Я думал: инженер.

— Я и сейчас разбираю.

— Знаю. — Он слабо улыбнулся. — Но потом ты начал слушать. По-другому. Как будто слышишь то, чего не слышу я. И я понял: это не инженерное. Это другое.

Я смотрел на него и не знал, что сказать. Отец никогда

так много не говорил. Я не знал, что у него есть эти слова. Они казались заимствованными откуда-то издалека, но каждое было на своём месте.

— Ты слышал эфир, — сказал я.

— Слышал.

— И что?

— И понял, что тебе это нужно. — Он подвинул ко мне конверт. — Не радио. Что-то, что заставляет тебя говорить.

Я взял конверт. Бумага была плотной и холодной.

— Не торопись, — сказал отец. — Но не тяни до конца. Время — единственное, что нельзя вернуть.

Он допил чай и встал. Подошёл к двери, снял с вешалки сумку. Остановился.

— И ещё. — Он не повернулся. — Если в школе у тебя что-то... Ну, если девочка какая...

— Пап.

— Я просто так.

— Пап, нет.

— Ладно. — Он помолчал. — Но голос у тебя в эфире был совсем другой. Как будто ты кому-то отвечал.

Он открыл дверь и вышел.

Я остался стоять на кухне с конвертом в руках. Через минуту услышал, как за окном хлопнула дверца машины, как завёлся мотор. Звук удалялся, растворялся, пока не стал частью ночного фона.

Я сел за стол.

Как будто ты кому-то отвечал.

Отец не знал. Не мог знать. Но он слышал в моём голосе то, чего я не мог убрать.

Я открыл конверт. Внутри лежала глянцевая брошюра: на обложке студенты с инструментами смеялись на ступенях старого здания из красного кирпича. Под фотографией надпись: «Найди свой звук». Я перевернул страницу. Расписание прослушиваний. Требования к программе. Сроки подачи документов, до первого июня.

Первого июня.

До этого оставалось девять недель.

Почти столько же, сколько до заседания совета.

Я закрыл брошюру и положил на неё ладонь.

* * *

Я не планировал писать письмо.

Я должен был сразу лечь спать. Завтра алгебра, потом физика, потом эфир в пятницу, на который Хлоя уже подготовила три выпуска вопросов. Мне нужно было отдохнуть.

Вместо этого я сидел на кровати в темноте с гитарой на коленях и играл тот самый мост.

Он не получался. Каждый раз он поднимался на ступеньку и застывал, а дальше мелодия не шла. Я пробовал новые гармонии, переставлял пальцы, слушал, как струны дрожат и гаснут. Бесполезно.

В два часа ночи я отложил гитару.

Часы на тумбочке показывали 02:07. Квартира была пу-

стая. Холодильник на кухне гудел на сорока пяти герцах, и это единственное, что нарушало тишину.

Я вспомнил двенадцатое мая.

Не сцену в рубке. Её я помнил слишком хорошо, чтобы возвращаться. Я вспомнил то, что было после. Как я пришёл домой и сидел на этой же кровати, и руки у меня тряслись. Как достал телефон. Как писал ей сообщение, которое состояло из трёх строк. Я писал его сорок минут и стирал шесть раз. В итоге оставил самые простые слова. Не оправдание, не упрёк. Просто то, что хотел сказать, когда она ещё не засмеялась.

В 23:48 я нажал «отправить».

В 00:10 появилась пометка: «Прочитано».

А потом ничего. Ни ответа, ни эмодзи, ни одного слова.

Прошла ночь. Потом неделя. Потом месяц. Я перестал смотреть на экран, перестал ждать. Только пометка «Прочитано» оставалась там, где была, как маленькая серая дверь, за которой никого нет.

Я понял тогда, что она прочитала. Знает, что я написал. И выбрала молчание.

С того дня я научился слышать это молчание лучше любых слов. Оно было ровным, плотным, без шумов. Идеальная запись. Ни одной ошибки.

Я не обвинял её. Правда.

Просто есть вещи, которые невозможно сказать второй раз.

Я встал, подошёл к столу, включил лампу. Достал из ящика тетрадный лист в клетку и ручку. Зачем, я не знал.

Лист лежал передо мной, белый и пустой, с тонкой голубой сеткой.

Мне хотелось написать ей. Не ей. Эфиру. Тому, кому можно сказать всё, потому что он не ответит.

Я взял ручку.

Рука писала печатными буквами. Не из осторожности, а по привычке: когда подписываешь кабели и разъёмы, учишься писать так, чтобы любой мог прочитать. Ровные заглавные, без наклона, без украшений. Почерк, который не выдаёт характера.

Я писал медленно.

Я ПРИЗНАЛСЯ ЧЕЛОВЕКУ В ЛЮБВИ. ОН ЗАСМЕЯЛСЯ.

Я остановился. Прочитал. Вычеркнул «засмеялся» и написал «отшутился». Потом вычеркнул и это. Вернул «засмеялся». Это было неточно, она не смеялась. Но звучало так, как я помнил. А я писал не про факты, а про то, как это было слышно.

НАВЕРНОЕ, Я ЗАСЛУЖИЛ ЭТО, ПОТОМУ ЧТО ВЫБРАЛ НЕ ТОТ МОМЕНТ.

Это была неправда. Я никогда так не думал. Но что-то внутри упорно хотело, чтобы это было правдой, потому что тогда в этом был бы смысл. Если виноват момент, значит, можно было выбрать другой. Если виноват я, значит, всё по-

правимо.

НО ТЕПЕРЬ Я НЕ ПОНИМАЮ, КАК СНОВА ГОВОРИТЬ С НИМ ТАК, БУДТО НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО.

Я дописал последнее слово и положил ручку.

Лист лежал в круге света от лампы. Печатные буквы, ровные, как строчки в инструкции. Ни одной ошибки. Ни одной помарки, кроме единственной вычеркнутой строки.

Я перечитал.

Потом ещё раз.

Это было правдой. Каждое слово. Даже «заслужил». Потому что где-то на третий месяц я начал верить, что действительно заслужил, не потому что был неправ, а потому что поверил в то, что выбрал неправильный способ быть собой.

Я взял лист, сложил его вчетверо, потом ещё раз. Сгибы получились острыми.

Не отправляй, сказал голос в голове. Не мой. Тот, что звучит ровно, как отцовский.

Но руки уже знали.

Я положил письмо в карман куртки, выключил лампу и лёг лицом в подушку.

Спать не получилось. Я лежал и слушал, как холодильник гудит и думал о том, что завтра никто никогда не узнает, чьё это письмо. Печатные буквы. Анонимно. Безопасно.

Эту формулу я сам предложил Зои и Хлое в первый день.

Я сам придумал, как людям безопасно говорить правду.

И теперь первый раз в жизни хотел воспользоваться соб-

ственным изобретением.

* * *

Утром я пришёл в школу в шесть пятьдесят.

Коридоры были почти пустыми. Уборщица ещё не закончила первый этаж, и пол блестел, как мокрое стекло. Я шёл вдоль окон, и в каждом квадрате лежал бледный серый рассвет.

Жёлтый ящик висел у библиотеки, где его оставили. Угол с серебристым скотчем снова начал отклеиваться, и я машинально прижал его большим пальцем.

Письмо лежало у меня во внутреннем кармане. Я достал его.

Оно показалось тяжелее, чем вчера. Бумага немного помялась.

Я открыл крышку. Внутри лежало шесть или семь листков, уже утренняя партия: кто-то бросил записки вечером, кто-то рано утром. Я сунул письмо поверх, не разворачивая, и закрыл ящик.

Всё.

Я постоял секунду. Потом ещё одну.

Это была ошибка.

Мысль пришла ровно в шесть пятьдесят три и была такой ясной, что я удивился, как не понял этого раньше. Это не было анонимным откровением. Это был ящик, из которого Хлоя будет вынимать письма и читать вслух. Возможно, в эфире. Возможно, при мне. Она будет держать мой лист в

руках, и голос у неё будет ровный, тёплый, и она не будет знать.

Я сунул руку в щель. Пальцы нащупали бумагу.

— Доброе утро, Ной.

Я вздрогнул так сильно, что ударился костяшками о край ящика.

Зои стояла в двух шагах от меня, в жёлтой куртке, с рюкзаком на одном плече и с папкой в руках. Волосы у неё были взъерошены, под глазами лежали тени. Она улыбалась. Той улыбкой, которую я уже научился узнавать: слишком ровной и слишком ранней для семи утра.

— Ты рано, — сказал я.

— Я теперь всегда прихожу рано. Забираю письма до уроков. — Она подняла папку. — Чтобы никто не успел растащить. Или выбросить. Или, ну, я не знаю, Тайлер Рид вчера пытался засунуть туда записку про лазанью.

— Он...

— Он хотел добавить свой голос к общему хору. Это достойно уважения.

Я стоял с рукой в щели ящика. Не знал, куда деться.

— Ты что-то ищешь? — спросила Зои.

— Нет.

— Просто у тебя рука там.

— Проверял, не отклеился ли скотч.

— Скотч с другой стороны.

— Знаю.

Пауза. Зои чуть наклонила голову.

— Ной, — сказала она ровно. — Если ты что-то положил и передумал, я могу отвернуться.

— Я ничего не клал.

— Конечно, — сказала Зои. — Я и не говорила, что ты клал.

Она подошла ближе, осторожно отодвинула мою руку и открыла крышку ящика. Я не успел остановить её.

Она достала всё. Стопку листков, шесть или семь, и среди них, сверху, мой. Сложенный вчетверо, с острыми сгибами.

Зои взяла его двумя пальцами, как берут что-то, что может рассыпаться. Развернула наполовину. Не читала. Просто посмотрела на край, на ряд ровных заглавных букв.

На секунду её лицо ничего не выражало.

А потом чуть дрогнули ресницы.

Она знала этот почерк. Конечно, знала. Каждую неделю она ходила мимо стеллажей в рубке, где на каждом кабеле висела бирка с моей надписью: «МИК 1», «ЛИНИЯ Б», «РЕЗЕРВ». Каждый день сидела на диване напротив пульта, на котором такими же буквами подписан каждый ползунок.

Она сложила лист обратно. Медленно, по сгибам.

— Правило номер один, — сказала она. — Никаких догадок.

— Зои...

— Я ничего не вижу. Ничего не понимаю. Это просто письмо. — Она убрала его в папку, к остальным, и застегну-

ла молнию. — Какое-то, одно из многих.

Я смотрел на неё. Она не смотрела на меня.

— Зои, — повторил я.

— Ной. — Она наконец подняла глаза. Они были ярко-зелёные и совершенно серьёзные, без единой искры насмешки. — Я не буду спрашивать. И не буду говорить. Но если ты когда-нибудь захочешь, чтобы я прочитала что-то особенное, лучше напиши это своими словами. Не чужими.

Она поправила лямку рюкзака и пошла по коридору, быстро, чуть ссутулившись.

Я остался у ящика.

Где-то вдали звенели ведро и швабра. В окне на другом конце розовело небо. Серый скотч на углу ящика снова дрожал и отклеивался.

Я нажал на него пальцем.

Скотч не держался. Я знал, что скоро придётся менять его на что-нибудь покрепче.

Но дело было не в скотче.

Я развернулся и пошёл на третий этаж, чувствуя спиной взгляд, которого там не было. В голове пульсировала одна мысль, ровная, как сорок пять герц.

Теперь у письма есть свидетель.

И этот свидетель обещал молчать.

Глава 7. Хлоя. Не читай целиком

В пятницу Зои выглядела как человек, который знает секрет и изо всех сил делает вид, что у него нет рта.

Я заметила это ещё в столовой. Она сидела напротив меня с подносом, на котором лежала нетронутая лазанья, и смотрела в тарелку с таким напряжением, будто пыталась прочесть там чьи-то мысли. Обычно Зои съедала свой обед за четыре минуты и успевала прокомментировать чужие.

— Ты не ешь, — сказала я.

— Я наблюдаю за врагом.

— Это лазанья.

— Вот именно.

Я подождала. Зои подняла глаза, увидела мой взгляд и тут же снова опустила.

— Зои.

— Что?

— Ты что-то скрываешь.

— Я? Скрываю? — Она так искренне возмутилась, что стало ясно: да. — Хлоя, у меня нет секретов. У меня есть только письма, которые я каждое утро достаю из ящика, и тридцать один человек, которому нужно ответить. Вот это моя жизнь.

— Тридцать один?

— Тридцать один. Я посчитала.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда давай вечером разберём.

— Давай, — слишком быстро ответила Зои. — Только я хочу отобрать для эфира сама. Ты мне доверяешь?

Я посмотрела на неё. Руки у неё лежали на подносе чуть напряжённо, пальцы переплетены.

— Доверяю, — сказала я.

И это была правда. Что бы она ни скрывала, делала она это не для того, чтобы навредить.

Нужно было спросить. Но я не спросила. Потому что у каждого человека есть право на молчание, и это правило я выучила на своей шкуре.

* * *

В пятницу в рубке было непривычно людно.

Пришёл мистер Маккензи. Он стоял у двери с папкой в руках и выглядел как человек, который не уверен, что имеет право находиться в собственной школе. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу маленькая женщина с блокнотом, представившаяся корреспондентом школьной газеты «Вестник».

— Мне просто хотелось послушать, — сказал директор. — Я не буду мешать. Меня как будто здесь нет.

— Вас видно, — сказал Ной, не поворачивая головы.

— Я постараюсь быть тише.

Он сел на стул в углу и сложил руки на папке. Ной посмотрел на него в отражении стекла и слегка кивнул, как кивают

человеку, которого решили терпеть.

Я перебирала письма. Зои принесла их в пластиковой папке и разложила на столе: двенадцать листков, отобранных вручную. Пять про дружбу, три про учёбу, два про родителей, одно про собаку, которая умерла, и одно...

Я потянулась за последним листком.

Он лежал отдельно, внизу, с краю, в стороне от остальных. Тетрадный, сложенный вчетверо. Острые сгибы.

— Это что? — спросила я.

— Письмо, — сказала Зои.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Я посмотрела на неё. Она смотрела на потолок.

Я развернула листок.

Печатные буквы. Ровные, заглавные, без наклона, без единой лишней чёрточки. Как подпись на чертеже. Я смотрела на них и почему-то подумала: *этому человеку важно, чтобы его не узнали.*

Я начала читать про себя.

Я ПРИЗНАЛСЯ ЧЕЛОВЕКУ В ЛЮБВИ. ОН ЗАСМЕЯЛСЯ.

Что-то внутри слегка дёрнулось. Не от слов. От ритма.

НАВЕРНОЕ, Я ЗАСЛУЖИЛ ЭТО...

— Хлоя.

Я подняла глаза.

Ной стоял у стекла. Он встал так тихо, что я не заметила.

Одна рука лежала на раме, другая висела вдоль тела. Лицо у него было такое же, как всегда, и только глаза чуть светлее обычного.

— Ты читаешь, — сказал он.

— Да, я должна, это же для эфира.

— Не читай целиком.

— Что?

— Письмо. — Он помолчал. — Не читай в эфире целиком.

Я опустила листок.

— Почему?

Ной никогда не вмешивался в выбор писем. Он считал, что это моя территория: его дело звук, моё слова. И вдруг он стоял у стекла и просил меня о чём-то, и голос у него был такой тихий, что я едва слышала.

— Потому что оно слишком личное, — сказал он. — Тот, кто его написал, мог не рассчитывать, что мы прочитаем его вслух. Лучше... пересказать. Или вообще пропустить.

— Но мы же всё читаем.

— Это письмо другое.

— Чем?

Ной не ответил сразу. Что-то мелькнуло у него в лице, что-то быстрое, как тень от пролетевшей птицы.

— Просто другое, — сказал он.

Я посмотрела на него долго. Может, секунд пять. Потом на Зои, которая изучала потолок с таким вниманием, будто

там была карта сокровищ. Потом на мистера Маккензи, который сидел в углу и делал вид, что его здесь нет.

И решила, что понимаю.

Конечно. Он боится нарушить чужую приватность. Это же очень по-ноевски: быть тем человеком, который первым говорит, что нельзя заходить за черту. Тот, кто написал письмо, использовал печатные буквы, значит, скрывается. И Ной, как звукорежиссёр и просто как человек, чувствует это острее меня.

— Хорошо, — сказала я. — Не буду читать целиком.

— Спасибо.

Он кивнул. И, по-моему, выдохнул. Совсем тихо, едва слышно. Но я услышала.

Я не придала этому значения.

* * *

Эфир прошёл хорошо. Лучше, чем хорошо.

Мы начали в восемь. Красная лампа, ровная музыка, Ной в наушниках, и голос, который у меня вдруг стал совсем другим, чем два месяца назад: ниже, спокойнее, свободнее. Я читала письма, отвечала, ловила паузы. Не заполняла. Не боялась.

Первый вопрос был про дружбу. Девочка писала, что лучшая подруга после лета стала общаться с другими людьми, и она не понимает, что сделала не так. Я ответила про то, что иногда люди растут в разные стороны не потому, что кто-то виноват. Что это больно, но не всегда значит конец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.